

*Ламбарене каждого из нас может
быть совсем рядом. Достаточно лишь
чуть пристальнее взглянуть на окру-
жающий мир.*

С. Горбунов

Альберт ШВЕЙЦЕР

*Одна жизнь
для людей*

Центр гуманитарных инициатив
Москва – Санкт-Петербург
2017

УДК 929Швейцер
ББК 87.3
Г67

Горбунов С.

Альберт Швейцер. Одна жизнь для людей / С. Горбунов. — М. ;
СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 284 с. [илл.]

ISBN 978-5-98712-732-2

Книга рассказывает о жизни знаменитого гуманиста, врача, философа, теолога, музыканта и музыковеда Альберта Швейцера (1875–1965). Вся история этого человека — подвиг, вдохновляющий всё новых и новых людей на самоотречение во имя Жизни. «Благоговение перед жизнью» — так звучит известный лейтмотив его деятельности. Тысячи спасенных и миллионы вдохновленных людей по всему миру — вот итог его многолетней работы. Каждый неравнодушный, думающий человек найдет в книге повод для размышления. Каждый сможет найти в ней что-то свое и задуматься о судьбе нашего сложного мира. Издание может быть рекомендовано широкому кругу читателей, желающих познакомиться с творчеством и основными моментами жизни этого замечательного человека.

**УДК 929Швейцер
ББК 87.3**

Все фотографии и изображения в книге опубликованы с любезного разрешения Архива Альберта Швейцера (Гюнсбах, Франция) и охраняются авторским правом. Любое копирование или иное воспроизведение представленных изображений без письменного разрешения правообладателя запрещено.

ISBN 978-5-98712-732-2

© Горбунов С., 2014
© Archives Centrales Albert Schweitzer
Gunsbach, 2016
© Центр гуманитарных инициатив, 2017
© Культурно-просветительский центр
«Архэ», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

I

Альберт Швейцер.
Одна жизнь для людей

От автора	9	
Глава I	Бабочка, очки и тропический шлем	13
Глава II	Люди, которые меняют нас	15
Глава III	Философия, теология, музыка	17
Глава IV	Профессор становится студентом	30
Глава V	Белый доктор из Ламбарене	41
Глава VI	Культура и этика	47
Глава VII	С благоговением перед жизнью	59
Эпилог		70
Библиографический список		72
Некоторые печатные труды А. Швейцера, изданные на русском языке		77
Библиография А. Швейцера		81
Краткая биография Альберта Швейцера: важнейшие даты		86

II

Человек, мыслитель, поэт

Письмо Альберта Швейцера в Парижскую миссию, написанное им 9 июля 1905 года	179
A. S. — Н. В. Два письма о настоящей любви	186
Альберт Швейцер как христианский философ. Прощальная проповедь перед первым отправлением в Африку. Вера в единстве сердца и разума	196
Этика благоговения перед жизнью А. Швейцера. Гениальная простота	210
Проповедь Альберта Швейцера об отношении человека к животным: Благоговение перед жизнью в повседневном сочувствии	219
Симфония жизни Альберта Швейцера. Исследователь, автор, мыслитель	236
Альберт Швейцер о жизни, мировоззрении и отношениях между людьми	251
Послесловие	273
Благодарности	279

I

АЛЬБЕРТ ШВЕЙЦЕР.
ОДНА ЖИЗНЬ ДЛЯ ЛЮДЕЙ

От автора

В детстве все мы мечтаем кем-нибудь стать. И, как это ни показалось бы странным, часто наши мечты исполняются. Кто-то страстно желает быть летчиком, кто-то ученым. Я же всегда любил природу и путешествия. Так получилось, что я стал экологом. Кто знает, может быть, это было весьма «промыслительно», ведь эта профессия накладывает свой отпечаток на сам образ мыслей и отношение к окружающему нас миру. Поэтому то, что вы прочтете ниже, написано во многом под влиянием профессии, в которой человек изучает жизнь во всем величественном многообразии ее проявлений.

Отлично помню тот свежий весенний день, когда я, совсем еще юный студент четвертого курса, решил прогулять оставшиеся институтские пары и, чтобы развлечь себя в это внезапно освободившееся время, зашел на заседание конференции, которая в те дни проходила в стенах нашего факультета.

Из всего разнообразия перечисленных в специальной брошюре тем, предлагаемых докладчиками, мне приметилась одна. Звучала она следующим образом: «Этика благоговения перед жизнью А. Швейцера как современная концепция охраны окружающей природной среды. Проф. А. А. Никольский». Признаюсь, к тому моменту понятными для меня были лишь последние семь слов названия темы. Тогда я почти ничего не знал ни о Швейцере, ни тем более о его этике. И уж совсем непонятым оставалось для меня странное словосочетание «благоговение перед жизнью». Быть может, именно поэтому я решил во что бы то ни стало услышать нужный доклад, высидев изрядное количество времени в его ожидании. Мне было интересно, о том ли Швейцере, о котором

я помнил, — докторе-миссионере, гуманисте, лауреате Нобелевской премии мира, — идет речь? Весьма вероятно. Но при чем тут природа?

К слову, в названии доклада, напечатанном в брошюре той конференции, была допущена одна весьма примечательная ошибка. Как вы уже догадались, сочетание «благоговение перед жизнью» в нем было написано без кавычек, в результате чего у меня, как у любого не подготовленного к такому повороту читателя, сложилось полное впечатление, что доклад будет посвящен благоговению непосредственно перед жизнью конкретного человека. Впрочем, это недоразумение можно назвать таковым лишь отчасти. И дело вот в чем.

«Невозможно понять текст в отрыве от его контекста», — гласит один из законов герменевтики. Точно так же нельзя понять идею, сформулированную кем бы то ни было, в отрыве от истории жизни ее автора и обстоятельств ее появления. Пути мысленного поиска автора и история его деяний порой намного лучше раскрывают суть предложенной им концепции, нежели сухие строки, лежащие на выделенных книжных страницах.

Как я уже говорил, профессия эколога накладывает на образ мыслей свой неизгладимый отпечаток, и мир, а также все новое, что привлекает ваше внимание, неизбежно начинает видеться сквозь тонкие «очки» приобретенных ранее знаний. Так было и тогда, только подобными очками в тот день обладал далеко не я один. Рассказ докладчика был посвящен теме, которая, на взгляд современного человека, отдающего изрядную часть своего времени и своих рассуждений вопросам сохранения дикого мира, является, пожалуй, самой главной. Речь шла о вопросе нашего человеческого отношения к окружающему живому миру — тому, что сегодня мы по привычке именуем сухим сочетанием «окружающая среда», лишь изредка добавляя к нему слово «природа». «Возможно, именно сейчас для нас наступил тот самый момент, когда пришла пора переосмыслить основы своего взаимоот-

ношения с окружающим нас живым миром, окружающей нас жизнью», — заключал автор доклада. Ведь, едва перешагнув порог третьего тысячелетия, человечество вновь осознало свою полную, абсолютную зависимость от растительного и животного мира. И это совсем не пустые слова. Окружающая жизнь питает нас, формирует наш дом и, более того, делает наш мир именно таким, каким мы его знаем сегодня. Поэтому от характера нашего взаимодействия с ней, от основы нашего к ней отношения зависит очень и очень многое — как для окружающей нас жизни, так и для той жизни, которой являемся и мы сами.

«При чем же тут этика?» — задаст логичный вопрос любой человек. Разгадка проста. Ведь этика как живое отношение к живому миру, собственно, и определяет все наши деяния. Вся наша деятельность упирается в понятия нравственного и безнравственного, доброго и недостойного. В таком случае именно этика способна разрешить те многочисленные вопросы, проблемы и конфликты, которые мы можем наблюдать в наших отношениях с окружающим живым миром.

Но как увязать идею нравственного мироощущения с пониманием ценности жизни? Ответ на этот вопрос почти сто лет назад и сформулировал доктор Швейцер. «Благоговение перед жизнью», то есть этический принцип любви и уважения к ней, принцип разумного отказа от любого ее разрушения, вполне достоин того, чтобы лечь в основу нашего теперешнего мироотношения.

Вот так в единой идее связались между собою живая природа, глубокая, но понятная каждому философия и постулаты жившего более полувека назад белого доктора из девственного леса Габона.

Помню, тогда эта идея показалась мне утопичной и даже смешной. Последующие несколько дней я провел в глубоких раздумьях: имеет ли она право на существование в нашем мире, где все подчинено сиюминутным порывам и неограниченным желаниям? Вывод был однозначным. Имеет! И в первую

очередь потому, что идея эта столь же проста и очевидна, сколь сложно реализуема. И я занялся вопросом вплотную.

Последующие два года мне пришлось провести в поездках по самым разным европейским городам, иногда навещая письменный стол в моей московской квартире. По мельчайшим частицам я собирал мысли и сведения, из которых постепенно смогла сложиться устойчивая картина понимания того, что этика и экология не просто дополняют друг друга, а всегда сосуществуют рядом друг с другом, выражаясь в нашем отношении к окружающей жизни и понимании ее бесконечной ценности. Ведь все мы находимся перед ней в необъятном долгу, о котором она и не предполагает нас спрашивать. Мне даже удалось написать небольшую книгу на эту тему. Впрочем, рассказ об этом был бы довольно скучным, а потому и непозволительным для меня отступлением.

Как я уже говорил, для того чтобы понять идею, сформулированную автором, необходимо тщательно изучить контекст, обстоятельства его жизни. Так было и в этот раз. Итогом моих частых поездок стал небольшой рассказ, повествующий о жизни замечательного человека Альберта Швейцера. Когда подошло необходимое время, мне удалось оформить его в виде нескольких коротеньких глав с приложениями, которые я с большим удовольствием и надеждой хотел бы представить вниманию читателя, ведь, как известно, литература — это нечто большее, чем история. Быть может, только в литературе история оживает, находя свой путь к нашему сердцу.

Должен признаться, что я не ставил перед собой цели написать хоть сколько-нибудь полную биографию знаменитого гуманиста. Ведь эта задача потребовала бы очень многих лет напряженной работы. Но для самого главного оказалось достаточно и того времени, что было в моем распоряжении. Итак, я имею честь представить читателю итог моих поисков — совсем небольшой очерк о судьбе замечательного человека нашего времени, маленький рассказ о большой жизни.

Глава I

Бабочка, очки и тропический шлем

Высокое здание со стенами нежно-желтого цвета возвышается над горизонтом в конце улицы Генерала де Голля в небольшом эльзасском городке Кайзерсберге. Солнце еще не набрало своей полуденной силы, и его утренние лучи освещают своим теплым светом глинобитные грани фахверковых домиков, разбросанных по кривым улочкам. То тут, то там блестят своими «тюльпанами» широкие винные бокалы, расположившиеся на полках и витринах маленьких магазинчиков и уютных кафе.

Позади шумит порог небольшой реки, а остов башни средневекового замка взирает на немногочисленных прохожих с высоты небольшого холма — и многих столетий, прошедших с того времени, как в его основание заложен был первый камень.

Дорога, уложенная рельефной брусчаткой, поднимается вверх в сторону лесистых склонов Вогезских гор, и дом с двумя небольшими башенками и колоннами на фасаде с каждым шагом становится ближе.

«Musée du docteur Albert Schweitzer» — так гласит терракотовая надпись на светлой стене близ арки, обозначающей вход. Именно в этом доме почти сто сорок лет назад суждено было родиться человеку, имя которого станет известным всему миру символом человечности. Ныне же здесь расположен музей, призванный увековечить память о нем.

«Bonjour, monsieur», — тихо здороваюсь я со зрителем музейной лавки, и скромная двухъевровая монета отправляется в копилку. Взамен же в моих руках оказывается билет

с изображением того самого дома, в котором я сейчас нахожусь. Дома, в котором сплелись эпохи и страны, культуры и цивилизации — сплелись в потоке всего одной жизни, одной судьбы.

Посреди первой, встречающей гостей, комнаты стоит небольшая витрина, в которой лежат несколько неприметных вещей: пара потрепанных черных галстуков-бабочек, тропический шлем, обтянутый белесой тканью, стетоскоп, заботливо уложенный подле него, и удивительно маленькие очки для чтения с толстыми стеклами.

Много раз я видел эти предметы на фотографиях. Теперь они кажутся мне очень близкими, как будто бы мне уже удалось познакомиться с ними ранее. Бабочка, очки и тропический шлем. Иногда вещи способны инициировать воспоминания, будто бы материализованные кусочки настроенных ушедших дней. И вот уже в мыслях всплывают образы далекой африканской страны и бесчисленных аудиторий европейских университетов, бараки из рифленого железа, стоящие под палящим солнцем экватора, и трибуна нобелевского лауреата, масличные пальмы на берегах Огове и заросшие зеленью окна дома в эльзасском Гюнсбахе. Всё это свидетельства ушедших дней, которые между тем всегда остаются с нами в нашей памяти как прошлое, существующее в настоящем.

А в это время тот, кому принадлежали эти обыкновенные и скромные вещи, смотрит на посетителей с большого портрета добрым и уверенным взглядом человека, умудренного огромным жизненным опытом и долгим упорным трудом, которому навсегда суждено остаться в памяти человечества.

Глава II

Люди, которые меняют нас

Имя этого человека вряд ли можно часто увидеть на страницах учебников или специальных научных журналов. Этот человек не открыл новых природных закономерностей, причинно-следственных связей, объектов или явлений. Однако ему суждено было сделать нечто несравнимо большее, что не потеряет своей актуальности и новизны на протяжении еще очень долгого времени.

Все великие люди делятся на две категории. Первые меняют условия, в которых мы существуем: совершают научные открытия, модернизируют устаревшие знания, изобретают новые методы. Вторые показывают, как должно жить в существующих условиях. Первые меняют наш мир. Вторые меняют нас самих. Первые известны в узком кругу интересующихся людей. Вторые — среди целых народов. Первые становятся символами своей эпохи. Вторые — олицетворением добродетелей, существующих вне времени¹.

Об одном из таких людей этот рассказ. Он посвящен человеку, который по праву мог произнести слова «Mein Leben ist mein Argument» («Моя жизнь — мой аргумент»).

Об этом человеке его близкий друг Альберт Эйнштейн однажды сказал, что тот является, пожалуй, самым великим из его современников. Этот рассказ о человеке, имя которого стало символом особого, нравственного отношения ко всему окружающему и бескорыстного служения людям.

¹ Об этом см. также в ст. А. А. Гусейнова «Благоговение пред жизнью: Евангелие от Швейцера» (в кн. «Благоговение перед жизнью». — М. : Прогресс, 1992. — С. 522–545).

Имя его — Альберт Швейцер.

Немногие люди, особенно нашей эпохи, устаивают чести быть живыми символами, и уж совсем немногим по плечу эта тяжелая ноша. Швейцер подает нам прекрасный пример того, как можно и должно устраивать свою жизнь в гармонии с собственным мировоззрением и не отказываться от него даже в самые тяжелые и мрачные моменты. Да, он не был святым. Он был обычным человеком с присущими ему пороками и страстями, гневом и чувством юмора. И все же то чувство личного долга, которое доктор Швейцер пронес через всю свою жизнь, указывает на силу его, безусловно, незаурядной личности.

Однажды Швейцеру сказали, что философия Шопенгауэра позволяет субъекту философии не следовать тем императивам, которые она же и предлагает. «Этим философия Шопенгауэра убивает себя!» — ответил Швейцер.

Философия Швейцера не могла позволить себе такого отношения. Он сам не мог позволить его себе. Возможно, секрет кроется в силе его личности, возможно — в силе самой предложенной им идеи. Одно мы знаем наверняка — доктор Швейцер до конца остался верен своему мировоззрению. Мировоззрению, которое в совокупности жизнеутверждающего миропонимания и этического мироощущения рождает особое мироотношение, чувство сострадания всему живому, чувство «благоговения перед жизнью».

Впрочем, любой, даже самый короткий рассказ следовало бы начать с начала. Для этого мне придется на время перенести свое повествование в самое сердце старой Европы, в места, где над фахверковыми фасадами уютных домов вьют свои гнезда многочисленные белые аисты, а ветер спускается со склонов лесистых гор в тихие винодельческие долины, наполняемые звуками монотонных ударов старого церковного колокола.

Глава III

Философия, теология, музыка

Альберт родился 14 января 1875 года в семье протестантского пастора в том самом небольшом эльзасском городке Кайзерсберге, что находится неподалеку от Кольмара, знаменитого ныне своими сказочными картинными видами и винодельческими фестивалями, проводимыми в конце мягкого и теплого лета.

Эти места, окруженные склонами невысоких гор, и поныне сохраняют дух безмятежности и спокойствия, утопая в зелени виноградников и лугов, на которых сельские жители, как и сто лет назад, выпасают свой скот.

Детство его прошло неподалеку отсюда, в Мюнстерской долине, в тихом сельском Гюнсбахе, который стал для Альберта его первым домом. Семья Швейцеров переехала в это место, когда Альберту было всего лишь шесть месяцев.

Размеренное течение жизни, провинциальная школа — словом, обычное детство эльзасского мальчишки конца позапрошлого века. Казалось бы, ничего примечательного. Отметим только особенно развитое чувство справедливости, сопереживания и сопричастности окружающему миру, которое проявлялось в будущем профессоре уже в юные годы.

Именно на детство, как считали в середине XX века, следовало обращать особое внимание — как на некий ключ, позволяющий раскрыть человеческую личность со всеми ее особенностями. Современным нам исследователям повезло. О детских воспоминаниях Швейцера мы знаем от него самого. Его рассказ, записанный некогда в Цюрихе, известен

нам по названию книги «Aus meiner Kindheit und Jugendzeit»² (1924). Из него мы узнаем о том, что еще в самые ранние годы юный Альберт был человеком особенно чуткого мироощущения, основанного на сострадании и ответственном отношении ко всему своему окружению. Об этом рассказывает он сам, вспоминая сюжеты: о новом пальто, какого не было у его сверстников и которое он отказался носить, дабы не выделяться среди них; о «ненавистном» мясном супе, который был недоступен деревенским школьникам, но подавался в доме Швейцеров на обед; о задеваемом всеми еврее Мойше, с которым он не считал зазорным проделывать часть своего пути от дома до школы; о его детской молитве обо всех живых существах с просьбою защитит и благословит всякое дыхание, какое только есть в этом мире; и, конечно же, об ударе церковного колокола, который провозвестил ему свыше запрет на причинение страдания любой жизни³.

Будучи сыном пастора, Альберт проявлял закономерные успехи в науках, которые сейчас мы бы назвали гуманитарными. Впрочем, он не был блестящим учеником: школьником, гимназистом, студентом [4]. Напротив, строгие школьные преподаватели поначалу находили способности Швейцера

² «Из моего детства и юности». Автобиографический рассказ Швейцера о своем детстве был записан 6 июня 1922 года Оскаром Пфистером (Oskar Pfister) (23.02.1873–06.08.1956) — знаменитым психоаналитиком (а также теологом и педагогом) своего времени. Стенограмма этого рассказа Альберта Швейцера сохранилась в Цюрихе до наших дней.

³ «Была ранняя весна, стоял великий пост. Как-то воскресным утром он (мой друг — С. Г.) предложил мне: «Давай пойдем на (гору — С. Г.) Ребберг, постреляем птичек». Это предложение ужаснуло меня, но я не осмелился возразить из страха, что он меня высмеет. Так мы оказались с ним возле еще обнаженного дерева, на ветвях которого бесстрашно и весело распевали птицы, приветствуя утро. Пригнувшись, как индеец на охоте, мой спутник вложил гальку в кожанку своей рогатки и натянул ее. Повинуясь его настойчивому взгляду и мучаясь страшными угрызениями

если не безнадежными, то в лучшем случае весьма средними, с чем ему, конечно, приходилось бороться, пересиливая и постепенно формируя себя. И это ему в определенной степени удавалось, может быть, благодаря отменному здоровью, которое с юных лет было присуще ему, а может, благодаря его внутреннему упорству и неизменной настойчивости, которые ему так часто потом приходилось применять в своей жизни.

Так, в период обучения в гимназии в Мюльхаузене (ныне Мюлузе) (1885–1893) юному Швейцеру пришлось проделать нелегкий путь от не вполне успевающего гимназиста до хорошего ученика (по его собственному признанию, ему пришлось приложить для этого немало сил и упорства). Но разве в этом кроется успешность в познании? Уже в те годы Швейцер отличался «серьезным, совсем не детским углублением в предмет и пытливостью мысли, стремящейся к самостоятельным выводам» [4].

Умение терпеть и работать над собой и своим окружением — еще одно важное качество его личности, которое раскрывает перед нами этот период.

Помимо этой глубокой приверженности к мышлению, Альберт проявлял незаурядное стремление и любовь к музыке. Эта любовь родилась еще в долине Мюнстера, а орган

совести, я сделал то же самое, твердо обещая себе промахнуться. В этот миг сквозь солнечный свет и пение птиц до нас донесся звон церковных колоколов. Это был благовест, звонили за полчаса до главного боя. Для меня он прозвучал гласом небесным. Я отшвырнул рогатку, вспугнул птиц, чтобы спасти их от рогатки моего спутника, и побежал домой. С тех пор всякий раз, когда я слышу сквозь солнечный свет и весенние голые деревья звук колоколов Великого поста, я взволнованно и благодарно вспоминаю, как во мне тогда зазвучала заповедь: «Не убий».

С того дня я научился освобождаться от страха перед людьми. В том, что затрагивало мои глубочайшие убеждения, я теперь меньше считался с мнением других, и меня уже не так смущали насмешки товарищей» [9], — вспоминал Альберт Швейцер спустя четыре десятилетия, прошедших с того самого дня.

церкви в Гюнсбахе стал, пожалуй, одним из воспитателей будущего всемирно известного музыковеда и исполнителя. Благодарность своим учителям Эугену Мюнху и знаменитому органисту Шарлю Мари Видору Швейцер пронес через всю свою жизнь.

Быть может, эта любовь — беззаветная и преданная — передалась ему по наследству от деда, отца его матери, эльзасского пастора Шиллингера. Швейцер часто с большой теплотой вспоминал о своем родственнике, когда речь заходила о музыке. Пастор Шиллингер, живший в Мюльбахе (который так же, как и Гюнсбах, находился в долине Мюнстера), был известен тем, что проявлял недюжинный интерес к старинным органам. В действительности они были для него подлинной страстью. «В какой бы город он ни приезжал, первое, что он делал, — знакомился с его органами, а когда устанавливали знаменитый орган в Люцерне, он ездил туда специально для того, чтобы понаблюдать за работой органного мастера» [7], — рассказывал о пасторе Швейцер.

Впрочем, и второй его дед тоже был органистом. Любовь к музыке, так же как и любовь к интеллектуальной работе, вообще была характерной чертой рода Швейцеров-Шиллингеров. А потому для самого Альберта было неудивительным, что он сам перенял обе эти приверженности от своих предков.

Еще с самого раннего детства отец начал давать Альберту уроки музыки на стареньком квадратном рояле — тафель-клавире (tafelklavier), доставшемся ему в наследство от деда. И уже в восемь лет, как только ноги юного Альберта стали доставать до педалей, он начал упражняться на деревенском церковном органе. Спустя же еще один год ему впервые довелось занять место органиста во время церковной службы в Гюнсбахе.

Первым профессиональным учителем Альберта стал Эуген Мюнх (Eugen Münch) — представитель большой и известной музыкальной семьи, занимавшийся с ним в те годы, когда Швейцер учился в гимназии. Швейцер, впрочем, был

весьма своеобразным и настойчивым учеником, имеющим на все свое мнение, что поначалу даже слегка раздражало его учителя — выпускника берлинской консерватории. Но уже к 1891 году упорство и способности Альберта позволили ему замещать самого Мюнха за органом в церкви Св. Стефана. Тогда же, благодаря своему учителю, он впервые тесно познакомился с безграничным и бесконечно прекрасным миром творчества Баха, «культ» которого в те годы как раз переживал в Европе свое второе рождение.

В 1893 году по приглашению дяди Огюста Швейцер впервые попадает в Париж, где при содействии своей тетушки знакомится с Ш. М. Видором⁴. Вот как описывает эту встречу сам мастер: «Осенью 1893 года мне представился один молодой эльзасец и попросил разрешения сыграть на органе. «Что именно?» — спросил я. «Баха, конечно», — ответил он. В ближайшие годы он систематически наезжал ко мне то на длительный, то на короткий срок, чтобы «утвердить себя в праве играть на органе», как выражались в баховские времена» [2]. Эуген Мюнх хорошо выучил своего подопечного, и игра Швейцера до того понравилась Видору, что он согласился учить его лично, хотя по обыкновению давал свои уроки лишь ученикам из консерватории.

Их дружба продлится многие годы, и Видор станет для Швейцера не только учителем, но и одним из самых близких людей. В этом союзе родится немало замечательных произведений. Об одном из славных эпизодов совместной работы впоследствии Видор вспоминал: «Однажды — это было уже в 1899 году, — когда мы просматривали хоральные прелюдии, я признался ему, что многое в этих сочинениях мне кажется загадочным. „Многое остается туманным, — возразил ученик, — если вы не обратите внимание на тексты хоралов, здесь и ищите разгадку“» [2]. Так в соединении таланта

⁴ Шарль Мари Видор (Charles-Marie Widor) (21.02.1844–12.03.1937) — знаменитый французский органист, композитор и музыкальный педагог, друг и учитель А. Швейцера.

органиста и познаний богослова родилась знаменитая книга о творчестве Баха, которую и сегодня часто можно увидеть на полках книжных магазинов Парижа, Франкфурта, Москвы и других городов.

Именно талант исполнителя, подкрепленный обширными познаниями в теории музыки, сделал Швейцера человеком, известным, без преувеличения, во всей Старой Европе.

Музыка — язык, который понятен всем людям и всем народам так же, как и язык добра. Оба этих языка объединяют людей и никогда не разъединяют. Оба они стали языками, на которых общался с миром Альберт Швейцер.

В октябре того же 1893 года Швейцер поступает в Страсбургский университет, где одновременно изучает теологию, философию и теорию музыки⁵ [4]. С 1894 по 1895 год отбывает солдатскую службу в пехотном полку, во время которой, однако, все равно ухитряется посещать лекции [4]. Размышления все больше затягивают его, и в 1896 году Швейцер принимает одно из самых важных решений: ограничить свою вполне приличную и степенную жизнь «для себя самого» датой тридцатилетия. Это означало, что по прошествии означенного рубежа он попробует найти применение своим способностям на пути непосредственного служения людям.

В автобиографических воспоминаниях («Aus meinem Leben und Denken») Швейцер так описывает это событие: «В одно прекрасное летнее утро в Гюнсбахе, на Троицу (это было в 1896 г [оду]), я проснулся с мыслью, что не должен принимать доставшееся мне счастье как нечто само собой разумеющееся, но обязан отдать что-то взамен. Продолжая неторопливо обдумывать эту мысль в постели под щебетание птиц за окном, я решил, что смогу считать свою жизнь оправданной, если буду жить для науки и искусства до тридцатилетнего возраста, чтобы после этого посвятить себя

⁵ Одновременно учится на философском и теологическом факультетах.

непосредственному служению людям. Много раз до этого я пытался понять, что означают для меня лично слова Иисуса: «Кто хочет жизнь свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет свою жизнь ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее»⁶. Теперь ответ был найден. В дополнение к внешнему у меня было теперь и внутреннее счастье» [7]. Так родился этот необыкновенный обет.

Но пока Швейцер продолжает учиться — он постигает науку и создает ее, беззаветно предаваясь собственным размышлениям. И у него получается. Быть может, судьба была к нему благосклонна, быть может, его настойчивость в деле приносила искомые результаты. В начале мая 1898 года Швейцер сдает государственный экзамен по теологии, по результатам которого получает стипендию Голя⁷. С осени 1894 года он размышляет над вопросами христианской догматики. Эти размышления со временем перерастут в отдельные и основательные исследования, которые весьма активно обсуждаются теологами и философами до сих пор и не теряют своей актуальности.

Зиму 1898–1899 годов Швейцер проводит в Париже, работая над своей диссертацией о философии религии Канта. Эта первая его значительная работа, насчитывающая более трех сотен страниц, раскрывает перед нами Швейцера как самостоятельного исследователя, стремящегося к оправданной независимости собственной мысли. Тему этой работы предложил ему летом 1898 года профессор Теобальд

⁶ В синодальном переводе слова цитаты текста Евангелия от Марка звучат как «...кто хочет душу свою сберечь...» (Мк. 8:35).

⁷ Gollshe Stipendium (Stiftung) — стипендия, учрежденная капитулом церкви Св. Фомы совместно с теологическим факультетом Страсбургского университета. Как пишет сам Швейцер, «эта стипендия присуждалась раз в шесть лет и составляла 1200 марок в год. Стипендиат был обязан либо не позднее чем через шесть лет получить степень лиценциата теологии в Страсбурге, либо возвратить деньги» [7].

Циглер⁸ — специалист в области религиозной философии и этики, которому удалось распознать в молодом Швейцере необычайно сильного и независимого мыслителя. Забота и внимание профессора Циглера и прекрасно дополнявшее их влияние профессора Вильгельма Виндельбанда⁹ особенно запомнились Швейцеру и во многом определили его начальный успех и интерес к философии. Страсбургский университет, это старинное учебное заведение, отличавшееся вместе с тем духом открытости и свободы, стало для Швейцера по-настоящему родным местом, в котором ему было легко и приятно работать.

Парижское же путешествие Швейцера ознаменовалось для него определенным разочарованием. Сорбонна с ее традиционным и регламентированным подходом к образованию разительно отличалась от страсбургской школы. Студенты здесь были лишены того духа сопричастности независимому мышлению, к которому привык Швейцер, а лекционные курсы были устроены так, что профессора, многие из которых были действительно выдающимися специалистами, попросту не могли работать с полной, доступной им самоотдачей.

А потому Швейцер предпочитает посвятить свое время непосредственной работе над диссертацией и совершенствованию мастерства исполнителя, беря уроки игры на органе и фортепиано у известных парижских учителей.

Париж вообще сильно отличался от его родного Эльзаса. Это был большой город, в котором — как и в любом большом

⁸ Теобальд Циглер (Theobald Ziegler) (09.02.1846–01.09.1918) — немецкий философ, преподаватель Страсбургского университета с 1886 по 1911 год, воспитанник Тюбингенской школы, известнейший специалист в области этики, религиозной философии и педагогики.

⁹ Вильгельм Виндельбанд (Wilhelm Windelband) (11.05.1848–22.10.1915) — немецкий философ, преподаватель Страсбургского университета с 1882 по 1903 год, известный специалист в области истории философии.

городе — жизнь выглядела поверхностной и даже в какой-то степени лишенной своего смысла и вдохновения. С этими мыслями спустя несколько месяцев Швейцер на время вернется домой.

В 1899 году Швейцер изучает философию в Берлине и впервые серьезно задумывается над современным ему упадком цивилизации, философии и культуры. Это показалось бы его современникам парадоксом: вместо расцвета цивилизации видеть ее упадок. Но взгляд Швейцера был куда шире формальных господствующих представлений. Там, в Германии, он формирует свой, совершенно особенный взгляд на окружающее его общество. Общество, в котором вторичное возобладало над основным, а отвлеченные страсти и столкновения интересов вытеснили из круга общения глубокое и истинное мышление, направленное на совершенствование самих людей, обращение их к идеалам истины и добра.

В то время как многие видели развитие в закономерном увеличении человеческой мощи и знания, Швейцер находил его в духовном росте людей и проявлении в них подлинно добродетельных, разумных и гуманистических чувств.

В те годы он полностью отдавался работе и даже «приучил себя спать совсем мало» [4]. Бывало, в Париже он появлялся с утра на уроках Видора, так и не поспав в предыдущую ночь ни минуты. Он ценил свое время и целиком посвящал его творчеству и глубоким, насыщенным переживаниями размышлениям об истории культуры и мысли и о современном ему человеческом мире.

Наконец в июле 1899 года в возрасте 24 лет Швейцер получает степень доктора философии. Впрочем, заслуженных степеней у него будет три. В 1900 году он защитит свою диссертацию по теологии, получив степень лиценциата. В 1901-м станет приват-доцентом Страсбургского университета¹⁰. С 1903 года

¹⁰ Несмотря на то что профессор Циглер готов был предложить Швейцеру должность приват-доцента на философском факультете, тот все же решает пойти на теологический. Во многом,

возглавляет семинарию св. Фомы — старинное и знаменитое образовательное учреждение в Страсбурге, находящееся у стен одноименной церкви, которая своим размером не уступает любому собору Средневековья.

Две заслуженных докторских степени: в области теологии и философии (в будущем добавится еще и медицина), всеобщее признание в музыке, кресло директора уже могли бы сделать жизнь любого человека вполне счастливой и обеспеченной. Это было верно и для Швейцера. Однако вопрос об истинности личного счастья был для него не просто риторической формулой. Особым образом он осмысливал и переживал его в поисках удовлетворяющего ответа.

В итоге ответ пришел в виде понимания: истинное благополучие может быть ощущаемо лишь тогда, когда существует возможность разделить его с другими. Сам Швейцер описывал это решение, принятое им в одно прекрасное утро, как закономерный итог своих чувственных и логических рассуждений.

К тридцати годам преподаватель Страсбургского университета был уже вполне состоявшейся, как тогда полагали, личностью. Но близился срок, когда необходимо было принимать деятельное решение. В своем родном крае Швейцер пытается заниматься воспитанием приютских детей, однако власти считают его не вполне благонадежным для такого занятия. Тогда он старается реализовать социальное служение уже среди неблагополучных взрослых, но те сами ругают его благие намерения.

Выход, как всегда, нашелся случайно. Осенью 1904 года на глаза Швейцеру попадает заметка парижского миссионерского общества, в которой сообщается об острой нехватке врачей в западноафриканских колониальных провинциях

по его собственному признанию, это решение было продиктовано тем, что «очень многим пришлось бы не по вкусу» [7], если бы он, будучи приват-доцентом по философии, впоследствии захотел бы стать проповедником. А эта стезя была для Швейцера, по его собственному выражению, «жизненной необходимостью» [7].

и сложностях, которые сопровождают жизнь населения этого края¹¹. «Однажды утром осенью 1904 г. я обнаружил у себя на письменном столе в колледже один из тех журнальчиков в зеленых обложках, в которых Парижское миссионерское общество ежемесячно отчитывалось о своей деятельности. <...> Вечером, освобождая себе место для работы, я машинально открыл этот журнал. В глаза мне бросился заголовок одной из статей: „Нужды миссии в Конго“» [7], — описывал он этот случай.

Сохранилось письмо Швейцера в миссионерское общество, на котором рукой автора проставлена дата — воскресенье, 9 июля 1905 года. «Дорогой месье и коллега, — начинает он свое обращение к главе миссии Альфреду Бёгнеру. — Я хотел бы спросить вас о том, нужен ли вам кто-то для Конго? Я был бы счастлив предоставить себя в ваше распоряжение... Я буду в Париже в октябре».

Переписка Швейцера сохранила для нас его воспоминания о том знаменательном и необычном для него дне: «Это был любопытный день. Сначала я участвовал в органном концерте и, играя, все время говорил себе: «Сможешь ли ты оставить это когда-нибудь?» Мне казалось, что никогда я не играл еще так хорошо, но все же я смог бы прекратить и отказаться от этого. После концерта девушка пяти лет подошла, чтобы вдеть мне цветок в петлицу, и я обнял ее, преисполненный счастья. Перед возвращением я немного поимпровизировал для сестры мадам Куртиус¹², и вдруг мелодия захватила меня, и у меня в голове была лишь одна мысль: уйти, добраться до моей комнаты и написать письмо, о котором я уже давно думал. Я сел на складной стул, который мне подарила моя тетушка, тени от дерева метались по полу и дошли до меня... Я снова задал себе мои последние вопросы, и ответ

¹¹ Les besoins de la Mission du Congo // Journal des Missions Evangeliques. Juin. 1904. P. 389–393.

¹² Жена Фридриха Куртиуса — президента протестантской директории Эльзаса и Лотарингии.

был по-прежнему — «да»... Нужно уметь навсегда прощаться с вещами, к которым ты был привязан. Вот так это и началось.

Письмо написано: ясное и точное, без «сантиментов», почти деловое письмо. Я отнес его в ящик и, вернувшись, стал рассматривать две башни церкви Святого Фомы, которые возвышались над двором, полностью погруженные в мягкий свет»¹³.

Господин Бёгнер был весьма тронут, узнав о том, что нашелся человек, решивший поехать в Конго в ответ на его призыв¹⁴, но тут же откровенно сообщил, что вряд ли члены комитета Парижской миссии одобряют его идею заняться миссионерской работой [7].

Следовало бы сказать, что в отличие от мсье Бёгнера, с радостью и теплотой принявшего Швейцера в Париже, члены комитета, соблюдая традицию, придерживались весьма ортодоксальных теологических взглядов. Для них Швейцер был слишком либерален в своих суждениях, что не могло не внушать им определенных опасений за судьбу миссии. Швейцер знал об этом заранее. А потому ему следовало избрать иной путь. И выход снова был найден.

Население Африки крайне нуждалось в медицинской помощи. Об этом писали сами миссионеры. И если перспективы возможности послужить людям словом в роли миссионера были для Швейцера довольно туманны, то здесь предоставлялся замечательный шанс реализовать свое служение в деле.

13 октября 1905 года Альберт ставит своих друзей в известность о решении выучиться на врача и уехать в далекую и нуждающуюся Африку.

Конечно, это решение встретило первоначальное непонимание. Позднее он напишет об этом: «Каких только муче-

¹³ Из письма Альберта Швейцера Елене Бреслау, написанного 9 июля 1905 года, в тот же день, что и его первое письмо в Парижскую миссию (подробнее см. стр. 193–195 настоящего издания).

¹⁴ Как указывает Швейцер [7], автором статьи, на которую обратил он свое внимание, был сам Альфред Бёгнер (Alfred Boegner).

ний не переносил я из-за того, что столько людей считали себя вправе распахивать все двери и ставни моей внутренней жизни!.. Истинное благодеяние, казалось мне, совершали те, кто не пытался залезть ко мне в душу, кто просто видел во мне скороспелого молодого человека и поэтому относился к решению моему с добродушной насмешкой» [5].

«Я долго все взвешивал и всесторонне изучил этот вопрос; я был убежден, что у меня есть нужное для этого здоровье, крепкие нервы, упорство, рассудительность — словом, все необходимое для осуществления моего замысла. Помимо всего прочего, я считал, что у меня хватит силы духа перенести могущую меня постичь неудачу» [5].

«Многие годы я выражал себя в словах. Работа преподавателем теологии и проповедником была моим призванием, и я следовал ему с радостью. Но, думая о новой форме деятельности, я не мог даже представить себя говорящим о религии любви; я мог думать только о том, как я буду фактически претворять ее в жизнь» [7].

«Я хотел стать врачом, чтобы иметь возможность действовать, вместо того чтобы расточать слова... Медицинские знания лучше всего и всего полнее давали мне возможность исполнить это намерение, куда бы ни привела меня моя новая стезя. Для Экваториальной Африки медицина значила особенно много, ибо там, куда я собирался поехать, как явствовало из сообщений миссионеров, нужнее всего самого нужного были врачи. Тамошние миссионеры в издаваемом ими бюллетене все время жаловались на то, что бессильны облегчить физические страдания туземцев. И я решил, что во имя того, чтобы стать тем самым врачом, в котором нуждаются эти несчастные, мне стоит снова сесть на студенческую скамью» [5].

Итак, в 1905 году Альберт Швейцер поступает на медицинский факультет родного Страсбургского университета. Профессор становится студентом.

Глава IV

Профессор становится студентом

Конечно, интересно знать, каково это: попасть в совершенно новую, доселе неизвестную среду, открывать для себя столь отличные от привычных знания. Ответ на этот вопрос дает сам Швейцер: «В теологии и музыке я был, можно сказать, у себя дома, ибо в роду моем было немало пасторов и органистов и вырос я в среде, где ощущалось присутствие тех и других. Но медицина! Это был совершенно новый для меня мир, я к нему не был готов... Сколько раз, возвращаясь после иступленных занятий на медицинском факультете, я бежал в Вильгельмскирхе к Эрнсту Мюнху¹⁵, для того чтобы какой-нибудь час, отданный музыке (о, всемогущий Бах!), вернул мне равновесие и душевное спокойствие»¹⁶ [5]. Ощущения, знакомые многим современным студентам медицин-

¹⁵ Брат учителя Швейцера, Эугена, Эрнст Мюнх (Ernst Münch) к тому времени был органистом страсбургской церкви Св. Вильгельма (нем. Wilhelmerkirche, фр. Église Saint-Guillaume) и замечательным популяризатором творчества Баха.

Судьба тесно связала Швейцера с большой музыкальной семьей Мюнхов. Так, сын Эрнста Мюнха, всемирно известный дирижер и скрипач Шарль Мюнх (Charles Münch), впоследствии изменивший произношение фамилии на французский манер — «Мюнш» (Munch), брал свои первые уроки у Альберта Швейцера, другой — Фриц Мюнх (Fritz Münch) — также стал знаменитым дирижером и специалистом в области теории музыки, а дочь Эмма (Emma Münch) вышла замуж за брата Альберта Швейцера Пауля (Paul Schweitzer).

¹⁶ Эти слова Швейцера приводит в своей книге его друг Жак Фешотт (Jacques Feschotte) [5].

ских университетов, не обремененным тем временем преподавательским званием!

Последующие шесть лет, начиная с 1906 года, были посвящены учебе. В это же время увидели свет несколько новых сочинений Швейцера. В 1908 году вышла версия его книги о музыке Баха на немецком языке, увеличенная по сравнению с первой, франкоязычной, версией вдвое (автору было проще переписать свой труд, нежели заниматься переводом исходной рукописи). Увидело свет богословское исследование, посвященное истории толкований учения апостола Павла. Наконец, выходит издание, посвященное поискам «исторического Иисуса» («От Реймаруса до Вреде», 1906–1913)¹⁷, и небольшое эссе, рассказывающее о вопросах органостроения («Немецкое и французское строительство органов и искусство игры на органе», 1906).

В те же годы (с 1899-го по 1912-й) Швейцер служит пастором (*prédicateur*) в церкви Св. Николая в Страсбурге, где показывает свое мастерство в искусстве проповеди, которое напрямую связано с его мировоззрением и решением посвятить себя людям¹⁸. Пока еще только лишь словом.

¹⁷ Эти теологические работы Швейцера, посвященные вопросам догматики и экзегетики (истолкования библейского текста), стали столь же известными, сколь и спорными. Проявляя исследовательский индивидуализм, Швейцер отошел в них как от традиции ортодоксального протестантского богословия, так и от его либерального направления, к которому в ту пору его причисляли. Для первой Швейцер был слишком либерален. Для второго слишком настойчиво он обращался к «старым» идеям. Индивидуализм Швейцера, проявленный в его богословских исследованиях, до сих пор является предметом изучения протестантских теологов и религиоведов.

¹⁸ Первого декабря 1899 года Швейцер получает место проповедника, сначала в качестве стажера, а позднее (после сдачи второго экзамена по теологии 15 июля 1900 года) уже в должности викария (помощника пастора).

Необходимо сказать, что к тому времени Швейцер был тесно связан с этой небольшой церковью, стоящей на набережной напротив семинарии св. Фомы. Штат церкви Св. Николая в те годы состоял всего из двух пасторов: господина Книттеля, который был одним из предшественников отца Швейцера на посту пастора церкви в Гюнсбахе, и господина Герольда, близкого друга одного из братьев матери Швейцера, который, в свою очередь, ранее был пастором в этой же страсбургской церкви.

Как вспоминает сам Швейцер, его работа в те годы заключалась в основном в проведении вечерней службы, воскресной службы для детей и подготовке детей к конфирмации. «Эта работа была для меня постоянным источником радости» [7], — вспоминает в автобиографии Швейцер. На вечерней службе, когда в церкви находилась только небольшая группа прихожан, он мог придать проповеди характер естественной интимной беседы [7]. В своей работе с детьми он, по собственному признанию, старался сделать для них свои уроки «отдыхом для души». Он хотел «донести до них великие истины Евангелия и сделать их религиозными людьми в такой мере, чтобы они были способны сопротивляться соблазнам нерелигиозности, которые будут преследовать их в жизни, сделать торжественный час воскресной службы искренней потребностью для души» [7]. Точно такой же, каковой, по его признанию, была для него работа в маленькой страсбургской церкви. Вместе с тем Швейцер всегда напоминал своим ученикам о том, чтобы они непременно сохраняли в себе приверженность к личной свободе мышления. Так же, как этой свободе, был привержен он сам.

В 1909 году конгресс Международного музыкального общества в Вене поручает Швейцеру разработать правила строительства органов, и вместе со своими единомышленниками он уверенно берется за эту работу. В тот же год новые «Правила» увидели свет. Тогда же по проекту Швейцера в огромном пространстве страсбургской церкви Св. Фомы сооружается ее малый орган, который до сих пор безупречно звучит под ее

сводами. По замыслу Швейцера, новые органы должны были сочетать в себе технические преимущества, которые предоставляла в распоряжение мастеров промышленность того времени, с великолепным звучанием старых образцов искусства органостроения. С печалью и досадой отмечал Швейцер, что многие из современных ему органов в погоне за техническим совершенством утрачивали красоту исторического звучания своих предшественников. Продолжая славные традиции старых мастеров — Иоганна Андреаса Зильбермана¹⁹ и Аристида Кавайе-Коля²⁰, Швейцер уверял, что расчетное, механическое

¹⁹ Иоганн Андреас Зильберман (Johann Andreas Silbermann) (26.06.1712–11.02.1783) — яркий представитель немецкой школы органостроения XVIII века и знаменитой семьи органных мастеров Зильберманов; сын Андреаса (Andreas) Зильбермана (16.05.1678–16.03.1734), в свое время построившего множество органов в Эльзасе, среди которых и орган Страсбургского собора. Авторству Иоганна Зильбермана принадлежит множество замечательных инструментов, в том числе и большой орган страсбургской церкви Св. Фомы.

²⁰ Аристид Кавайе-Коль (Aristide Cavaillé-Coll) (04.01.1811–13.10.1899) — крупнейший органный мастер XIX века во Франции. Создатель органов Собора Парижской Богоматери, а также большого органа парижской церкви Св. Сюльпиция, органистом которой на протяжении 64 лет был Шарль Мари Видор. Орган в церкви Св. Сюльпиция, перестроенный и увеличенный Кавайе-Колем в 1862 году, «несмотря на некоторые его недостатки», Альберт Швейцер называл «прекраснейшим из всех известных ему органов» [7]. Приезжая из Африки, Швейцер всякий раз старался побывать в Сен-Сюльпис и играл там на величественном органе. Вот что писал Швейцер из Ламбарене в 1962 году, когда отмечалось столетие этого знаменитого инструмента, одному из своих старейших друзей, дирижеру и музыковеду Феликсу Рожелю (Félix Raugel): «Часы, которые я потом, приезжая в Европу, проводил за этим органом, — драгоценнейшие часы моей жизни» [5]. Помимо Шарля Мари Видора и Альберта Швейцера, на этом инструменте играли такие признанные исполнители и композиторы, как Сезар Франк (César Franck), Луи Вьерн (Louis Vierne) и другие.

стремление к удешевлению, массовости и технологическому совершенству устройства инструментов не может заменить опыта многих поколений органостроителей, наиболее красочно проявившего себя в XVIII и XIX веках²¹. «Сколько красноречия пришлось мне употребить, чтобы добиться отмены смертных приговоров, вынесенных прекрасным старинным инструментам! Как много встречалось мне органистов, которые были весьма низкого мнения о своем органе из-за его преклонного возраста и ветхости!» [7], — вспоминал потом Швейцер. За свою жизнь ему суждено было спасти немало прекрасных органов, которые находились когда-то на пороге безжалостной переделки или полного разрушения.

Наконец, сдав последние экзамены, весной 1912 года Швейцер уезжает в Париж, где изучает тропическую медицину и готовит докторскую диссертацию, которую защитит в Страсбурге (подготовка диссертации, вероятно, не была напрямую необходима для врачебной деятельности, однако Швейцер решает довести дело обучения до конца и все же получить степень). Тема диссертационного исследования Швейцера сегодня показалась бы нам весьма провокационной, а в контексте медицинской науки даже скандальной. Она была посвящена оценке поступков исторического Иисуса с точки зрения медицины. Все дело в том, что в начале прошлого века, в пору расцвета научно-популярной литературы и публицистики, во многом переходящей в банальную беллетристику, угрождавшую лишь ожиданиям читателя, во множестве выходили издания, в которых те или иные исторические персонажи представлялись склонными к психическим нарушениям, чем, как полагали авторы, и были обусловлены все их поступ-

И сегодня этот инструмент восхищает посетителя церкви своим грандиозным, монументальным видом и великолепным звучанием, растекающимся под белыми сводами церкви по воскресным дням во время и сразу после богослужения.

²¹ Подробнее об этом см. в главе VIII автобиографии Альберта Швейцера («Aus meinem Leben und Denken»).

ки. Особо весомо обстояло дело с «талантами, выдвинувшимися на фоне религии». Так и в крайнем своем проявлении эти авторы находили в поступках Иисуса проявления множественных признаков каких-либо патологических отклонений, «подтверждая» свои предположения теоретическими познаниями в медицине. Впрочем, их фундаментальной ошибкой было то, что они совсем не замечали исторического контекста или даже вовсе не знали о нем. На что и обратил свое внимание Швейцер. Используя столь знакомый ему прием исторического анализа, как настоящий исследователь (теперь уже в области медицины), на 46 страницах своей работы Швейцер пытается показать, что все реакции и поступки исторического Иисуса, описанные в Евангелии, были вполне верными и адекватными, если принять во внимание сопровождавшие их обстоятельства, а также сознание и культуру иудейского народа I века. Сделать это одновременно наглядно и убедительно было действительно нелегкой задачей. Но фундаментальный подход, опыт исследователя и упорство ученого (позднее он признавался, что несколько раз хотел бросить работу над диссертацией) взяли свое, и необходимая для дела степень доктора медицины была получена.

В том же 1912 году, перед отъездом в Африку, Швейцер женится на Елене Бреслау, с которой познакомился десятью годами ранее²².

²² Впервые Елена Бреслау (Helene Bresslau) увидела Альберта Швейцера в 1901 году, когда в один из дней посетила его органную репетицию. Чуть позже они познакомились. Елена была дочерью известного в то время историка-медиевиста Гарри Бреслау (Harry Bresslau), профессора Страсбургского университета, некоторое время даже бывшего его ректором.

В те годы ее жизнь так же, как жизнь Альберта Швейцера, была наполнена поиском места, в котором можно было бы реализовать свой долг перед другими людьми. Осенью 1902 года Елена уезжает в Англию, где шесть месяцев работает учительницей и гувернанткой. Затем по приглашению друзей она отправляется в Россию (в Полтаву), где изучает русский язык. По возвращении

Елене предстоит стать его верной помощницей и спутницей. Долгие годы у Альберта будут они — его Елена и его Африка. То, с каким уважением и любовью Швейцер относился к своей супруге, может показать один факт. На многочисленных багажных ящиках и чемоданах, в которых перевозились грузы для больницы Швейцера (некоторые из них доньше хранятся в различных собраниях и музеях), неизменно стояла надпись «ASB», что означало «Альберт Швейцер-Бреслау». Да, это было их совместное с Еленой предприятие. Предприятие, которое станет для Альберта его вторым домом, а для Елены причиной долгой разлуки с мужем. И все же это было их общее дело. Еще в 1909 году Елена окончила курсы медицинских сестер во Франкфурте, чтобы помогать будущему мужу в его работе.

Сколь сильным было то необыкновенное, нежное чувство, с которым Альберт относился к своей будущей жене с самой первой их встречи в 1901 году, рассказывают нам его письма к Елене. Совсем недавно материалы их переписки, охватывающие собою период более чем десяти лет, были опубликованы в трехтомном издании на французском языке. А до того на немецком и на английском.

И только лишь ознакомившись с ними, погрузившись в этот волшебный мир чувств и переживаний, можно понять всю глубину и душевную близость отношений супругов, которые им удалось пронести через многие, порою весьма трудные десятилетия.

Еще в 1903 году в одном из своих самых проникновенных и наполненных нежными чувствами писем к Елене Швейцер признается:

«Если бы ты только знала, как сильно я тобой восхищаюсь! У меня никогда не было возможности сказать тебе этого.

в Страсбург она посвящает себя заботам о сиротах и одиноких матерях [5]. «В 1907 году на окраине Страсбурга открывается дом для одиноких матерей с детьми, и молодая девушка начинает работать в нем, не боясь осуждения общества» [5].

Если бы только ты знала, как уважение, выказанное тобою, мне помогает в моем пути, как твои чувства воскрешают меня. Это и твоя глубокая любовь — вот источники моей силы; я хочу, чтобы вся моя жизнь, даже мои мысли были полностью открыты для тебя, и я действительно хочу, чтобы ты не испытывала разочарования — но ты за это тоже платишь дорогую цену. Ты идеализируешь меня, я знаю это, и это прибавляет мне сил; твоя привязанность согревает мне сердце... я чувствую себя освобожденным, осознавая, что ты, такая честная и благородная душа, знаешь мои самые сокровенные мысли, а поговорить с кем-то об этом для меня большая удача»²³.

Пожалуй, не стоит что-либо к этому добавлять.

«Ты знаешь, как мы нуждаемся в дружбе, дай мне быть достойным этого самого прекрасного и нежного дара судьбы», — говорит в своей «Молитве», своем обращении к Господу, великий романтик XX века Антуан де Сент-Экзюпери.

Судьба преподнесла Швейцеру этот удивительный дар — дар бескорыстной и преданной дружбы, превратившейся в истинную любовь.

Когда колокола Страсбургского собора начинали свой перезвон, Швейцер, живший к югу от его стен, вспоминал о Елене, в то же самое время Елена, жившая по другую сторону от башни собора, вспоминала об Альберте. Даже в те минуты они были вместе. И в тот день, 9 июля, когда Швейцер отправил свое первое письмо в Парижскую миссию, он в трогательном послании сообщил об этом Елене, и она долгое время была единственной, кто знал об этом поступке и искренних переживаниях Альберта.

Кто знает, может быть, именно это обстоятельство, столь важное для каждого человека, — обстоятельство понимания и искренней, взаимной любви — помогало Альберту Швейцеру оставаться верным своим идеалам на протяжении

²³ Из письма Альберта Швейцера Елене Бреслау, написанного им субботним утром 4 июля 1903 года (подробнее см. стр. 191–192 настоящего издания).

его яркой, наполненной событиями и преодолением трудностей жизни.

Елена значила для Швейцера очень много. Несмотря на весь индивидуализм его личности, она была его половиной, вернее было бы сказать, что они были единым целым. Она правила и редактировала его рукописи. И когда мы читаем работы Швейцера, то видим и ее труд. Она принимала на себя самую трудную и подчас незаметную, но столь нужную для дела работу. Она поддерживала Швейцера в его начинаниях, и благодаря поддержке Елены то, что многим казалось безумием или же авантюрой, находило путь для претворения в жизнь и становилось реальностью.

Наконец пришло время. Время для решительного действия. «Убедившись, что смогу собрать достаточно денег для устройства небольшой больницы, я обратился в Парижское миссионерское общество с конкретным предложением: на собственные средства организовать медицинское обслуживание в районе их миссии на реке Огове с центральным пунктом в Ламбарене» [7], — пишет Швейцер.

Организовать? На собственные средства? Но хватит ли этих денег? Насколько вообще способно к жизни подобное предприятие? Хватит ли 38-летнему Швейцеру и его жене стойкости, отваги и опыта? Не переселят ли климат и обстоятельства твердую волю и возвышенные стремления? Наверняка эти вопросы не раз донимали самого Швейцера и его окружение. Ответу же на них взяться было попросту неоткуда.

Тем не менее Швейцер остается полон решимости и вкладывает в свое предприятие все, что к тому времени ему удалось выручить с помощью литературной и концертной деятельности. Но и этих средств было мало. Одного за другим Швейцер посещает своих друзей с просьбой поддержать его начинание. «Чтобы собрать средства, необходимые для моего предприятия, я начал обходить знакомых с просьбами о пожертвованиях и в полной мере почувствовал, как трудно убедить людей поддержать дело, которое не только не принесло

еще никаких результатов, но и существует лишь в виде благих намерений. Большинство друзей и знакомых помогали мне преодолеть смущение, заявляя, что поддержат этот авантюрный план, потому что он принадлежит мне. Должен признаться, что я замечал и другое: как ощутимо менялся самый тон приема, когда выяснялось, что я пришел не просто как гость, но как проситель. И все же доброта, которую я встретил во время этого обхода, в сотни раз перевесила те унижения, которые мне пришлось вытерпеть» [7]. В итоге необходимые средства были собраны.

Швейцеру оставалось лишь убедить членов комитета миссии одобрить его затею. Чтобы избежать возможных препятствий, он не стал посещать общее собрание, а навестил каждого из них по отдельности. В результате услуги его были приняты, но при том лишь условия, что ему предстоит быть «только врачом», в отношении же вопросов теологических и «всего остального» он будет хранить молчание²⁴.

В феврале 1913 года 70 ящиков с медикаментами и инвентарем, собранные в Страсбурге, были отправлены на погрузку в Бордо.

9 марта Швейцер произносит свою прощальную проповедь в родной для него страсбургской церкви Св. Николая. Он начинает ее с благословения — с тех самых слов, которыми на протяжении многих лет заканчивал каждую свою службу: «И мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдает сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе» (Фил. 4:7).

В этой прощальной проповеди Швейцер говорит прихожанам о том, что в людях должны гармонично сочетаться их преданность Богу — их стремление следовать Его заповедям,

²⁴ Впрочем, этот свой обет, по его же признанию, Швейцер вскоре нарушит. Через несколько месяцев после приезда, удостоверившись в его благочестии, сами миссионеры попросили Швейцера принять участие в проповеднической работе. Так он был освобожден от данного им в Париже обещания.

то есть исполнять Его волю, — и их разум, который должен подтверждать это стремление. Швейцер говорит в ней о необходимости помогать ближнему деятельно, даже тогда, когда жизненные обстоятельства отвлекают нас от мыслей об этом, — когда мы, как нам кажется, беззаботны и счастливы.

В этом было глубокое убеждение Швейцера. Теперь же ему предстояло доказать это убеждение на деле. Доказать своим личным примером.

21 марта Альберт Швейцер вместе с женой через Париж выезжает в Бордо и уже 26 марта покидает Европу. Он отправляется во Французскую Экваториальную Африку, чтобы основать там дело своей будущей жизни.

Глава V

Белый доктор из Ламбарене

Африка действительно меняет людей. Делает их более мудрыми. В этом мне не раз приходилось убеждаться на собственном опыте. Неправильным было бы думать, что в этих местах у человека зарождаются новые способности или кардинально меняются черты его характера. Дело обстоит не совсем так. Суровые условия в сочетании с непревзойденной девственной красотой этих мест заостряют наиболее яркие черты человеческой личности. Знал ли о чем-то подобном Швейцер, когда направлялся на пароходе из Бордо к берегам Габона? Неизвестно. Но можно предположить, что это обстоятельство проявилось в нем в полной мере, что хорошо видно из всей его последующей жизни.

Университетские стены, комната на третьем этаже семинарии св. Фомы, величественный орган парижской церкви Святого Сюльпиция, который он так любил, ученики, родные, друзья — все это оставалось далеко позади, и с каждым днем пароход все более отдалял их от Швейцера. За горизонтом оставалась старая жизнь, а впереди его ждала неизвестность. Далекая и нуждающаяся страна ждала доктора.

В Габоне, на берегах реки Огове, недалеко от селения Ламбарене, на землях миссии Швейцер организует маленький пункт медицинской помощи.

Ламбарене — этому слову суждено стать не просто обозначением точки на географической карте. Это слово будет согревать сердца людей в самые тяжелые годы двадцатого столетия. Старающимися «белого доктора» это слово станет

синонимом сострадания, человечности и бескорыстного служения людям.

Но пока на дворе 1913 год, и госпиталь Швейцера представляет собой лишь несколько наскоро сколоченных убогих построек из досок, рифленого железа и обуви (связок пальмовых листьев), которыми застилалась кровля. Миссия в Ламбарене располагала несколькими относительно новыми зданиями и была достаточно развита для хозяйственной жизни, но больницы в ней не было. Да и помещения к приезду Швейцера еще не были готовы к приему больных. И доктору пришлось разместить свой кабинет в старом курятнике.

С первых же дней функционирования медицинского пункта к нему начинают стекаться страждущие больные. Единственной надеждой на облегчение страданий для них становится приезжий доктор. «Я единственный человек на всю окрестность, который может облегчить страдания этих людей» [5], — пишет Швейцер в своем дневнике²⁵. Лишь несколько медицинских пунктов на побережье и немногочисленные врачи в глубине страны (не имеющие, впрочем, возможностей для серьезной работы) в то время могли оказать помощь людям.

Это обстоятельство заставляет его работать не покладая рук, отбросив чувство усталости. Ламбарене начинает жить новой, особенной жизнью. Средства на первое время функционирования госпиталя были взяты Швейцером из собственных гонораров за книгу о Бахе и органные концерты. Кроме того, по возможности ему помогали друзья. Помня о заслугах и таланте Швейцера как исполнителя и музыка-

²⁵ По прибытии в Африку Швейцер не перестает вести дневниковые записи, а с начала работы больницы тщательно регистрирует в своем журнале каждого пациента. Эти документы до сих пор вызывают неподдельный интерес у историков и исследователей в области тропической медицины. Литературные же заметки вскоре сложились в отдельные произведения Альберта Швейцера, повествующие о его работе доктором в джунглях и сопровождавших ее событиях и наблюдениях.

веда, Парижское баховское общество (одним из основателей которого был и сам Швейцер) даже прислало в далекий африканский поселок настоящее пианино с органными педалями, выполненное из специальных, устойчивых к суровому климату тропиков пород дерева и снабженное органными педалями, для того чтобы в суете и сложности дней, проводимых под палящим солнцем экватора, Швейцер мог, как и прежде, совершенствовать свое мастерство. Доставить тяжелый инструмент по воде, вручную, на узенькой лодке до Ламбарене было отдельной и совсем не простой задачей, однако и она со временем была решена.

Первоначальные успехи в лечении сонной болезни, испытания новых препаратов и методов, периодически поступающих из Европы, налаживание быта больницы — все это не может сравниться с основной миссией сострадания, которую добровольно приняли на себя доктор и его жена. К слову, больница всегда нуждалась: в препаратах, продовольствии, строительных материалах; наконец, во времени, которое могли выделить для работы ее служащие. Но, несмотря на это, предприятие Швейцера функционировало и всегда принимало больных в той мере, в которой это только было возможно.

Так прошел первый год.

В 1914 году в Европе разразилась мировая война, опалившая своим огнем и африканский континент. Как германский подданный, Швейцер был взят под стражу, однако это не помешало ему продолжить свою работу. Более того, именно в годы войны он сформулирует принцип, которому суждено будет навсегда остаться в истории человеческой мысли.

Как ни странно, временное заточение заставило Швейцера снова усесться за письменный стол. В этот период он вновь и вновь размышляет об упадке культуры его родной цивилизации, следствием которого явилась разразившаяся война. Он продолжает те глубокие рассуждения, которые начал еще будучи студентом, пребывая в Берлине. Последовательно он приходит к мысли, что этот упадок обусловлен тем,

что основание культурного развития западной цивилизации утратило свою этическую первооснову, а значит, кризис культуры и кризис цивилизации является лишь закономерной производной нравственного упадка. «Чем больше снарядов, тем меньше человеческих жертв!» — писали многочисленные газеты по обе стороны разделившего теперь людей фронта, по-видимому не считая жертвы с другой стороны человеческими. А место литературных очерков и коротких романов занимали теперь однообразные военные сводки и статьи об оружии, «несгибаемом патриотизме» и все новых немыслимых разрушениях. Одно только это было свидетельством того, во что превратилась «высокая и развитая» культура, которой совсем недавно так гордилось современное общество.

В ноябре того же года хлопоты Видора привели к освобождению доктора и его жены. Можно было продолжать заниматься приемом пациентов.

В это же время Швейцер пишет своим друзьям в Европу: «Каждое утро, отправляясь в больницу, я ощущаю как невыразимую милость тот факт, что в то самое время, когда стольким людям приходится по долгу их службы причинять другим страдание и смерть, я в состоянии творить добро и способствовать спасению человеческих жизней. Это чувство помогает мне бороться с любой усталостью» [4].

Он был уверен, что сила духа и нравственного начала приведут к восстановлению цивилизации в мире, стоит лишь обратиться к первооснове. Но как ее сформулировать?

«Теперь я начал поиски знания и убеждений, с которыми я мог бы соотнести волю к культуре и силу воплощения... — вспоминал Швейцер. — В процессе работы для меня стала ясна связь между культурой и отношением к жизни» [4].

«Этическая проблема — это проблема отыскания в мысли основ для фундаментального принципа морали. Что является общим элементом добра в многообразных видах добра, с которыми мы сталкиваемся на практике? Существует ли в действительности такое общее понятие добра? Если так,

то какова его природа и существо и до какой степени оно реально и необходимо для меня? Какой властью оно обладает над моими мнениями и действиями? В какое положение оно ставит меня по отношению к миру?» [4].

«В течение месяцев я жил в непроходящем умственном возбуждении. Без всякого успеха я понуждал свою мысль даже во время дневной работы в больнице сосредоточиваться на истинной природе позитивных взглядов и этики, а также на вопросе о том, что у них общего. Я блуждал в зарослях, в которых невозможно было найти тропинку. Изо всей силы я давил на железную дверь, но она не поддавалась» [4].

В сентябре 1915 года состояние здоровья Елены потребовало ее пребывания на побережье, в Кейп-Лопес. Швейцеру удалось провести несколько дней с женой, но затем поступил вызов, и ему пришлось вернуться обратно, вглубь страны. Ехать надо было срочно, а из транспорта в тот момент подвернулся только маленький буксирчик, тянувший вверх по Огове груженую баржу. На нем Швейцер и отправился за сто шестьдесят миль, в НГомо [4]. Это путешествие стало переломным в его поисках объединяющей идеи. «Дверь» наконец открылась.

«Мы медленно ползли вверх по течению, тщательно нащупывая — это было в сухой сезон — проходы среди мелей. Погруженный в свои мысли, я сидел на палубе баржи, пытаюсь отыскать универсальную и фундаментальную концепцию этического, которой я так и не смог обнаружить ни в одной философии. Я покрывал обрывками фраз страницу за страницей, стараясь сосредоточиться на этой проблеме. На исходе третьего дня, на закате, когда мы пробирались через стадо гиппопотамов, в моем мозгу, нежданная и непредвиденная, вдруг мелькнула фраза «уважение к жизни» («Ehrfurcht vor dem Leben»²⁶ — С. Г.). Железная дверь подалась: тропинка в зарослях была обнаружена. Я отыскал собственный путь к идее, в которой

²⁶ «Благоговение перед жизнью».

утверждение мира и этика сосуществовали бок о бок! Теперь я знал, что этическое приятие мира и жизни вместе с идеалами культуры, содержащимися в этой концепции, имеют основное значение в мысли» [4].

Драме жизни, в которой одна жизнь неизбежно подавляет другую, Швейцер противопоставляет этическое начало, служащее основой стремления к ее сохранению.

Так была рождена формула «*Veneratio vitae*» — формула «благоговения перед жизнью», объединяющая в себе этическое мироощущение и жизнеутверждающее понимание нашего мира.

Она была рождена в гуще цветущей жизни девственного леса, в то время, когда человечество погрязло в пучине своего сумасшествия и жестокости. Действительно, как говорил Швейцер: «Истина является в самое неподходящее для этого время», но вместе с тем она продолжает оставаться истиной.

Впоследствии, спустя много лет, старый философ часто дарил друзьям, посетителям больницы и гостям своего дома в Гюнсбахе фотографии берегов Огове, где впервые подалась железная дверь мысли, с подробной надписью [4]: «Это три острова на реке Огове, у деревни Игендия (Игенджа), в восьмидесяти километрах от Ламбарене вниз по течению, при виде которых в сентябрьский день 1915 года у меня возникла мысль о том, что благоговение перед жизнью есть основной принцип морали и настоящего гуманизма...»²⁷ [4].

²⁷ Об одном из таких случаев рассказывает в своей книге Г. Геттинг. Подобную фотографию с надписью, сделанной рукой Альберта Швейцера, можно увидеть и в его доме-музее в эльзасском Гюнсбахе.

Глава VI

Культура и этика

В сентябре 1917 года интернированные Альберт и Елена отправлены французами в Европу. Доктор на время покидает Ламбарене, однако это место в будущем станет его домом на целых полвека.

Бордо, Гарэсон, Сан-Реми, лагеря для пленных, болезнь... Лишь в июле 1918 года, спустя десять месяцев после отъезда из Африки, Швейцер возвращается в свой дом в Гюнсбахе. По обмену интернированными через Швейцарию вернется он в родные места, затянутые теперь маскировочной сеткой и изрытые разрывами артиллеристских снарядов. Фронт проходил здесь совсем рядом, не более чем в километре. И теперь от привычной размеренной жизни эльзасской деревни не осталось следа. По всей дороге, проходящей в долине, такой знакомой Швейцеру по его детству, виднелись следы разрушений. Однако они были, пожалуй, не столь значительными в сравнении с тем, какие разрушения военные годы оставили в человеческих душах и судьбах людей. Отец Швейцера уже и не помнил тех дней, когда в его большом доме не жил кто-нибудь из офицеров, а мать... В 1916 году ее сбила лошадь спешащего куда-то кавалериста. Церковь дедушки Швейцера — пастора Шиллингера — была разбита прямым попаданием бомбы и лежала теперь в руинах, словно демонстрируя своими осколками то, во что превратился весь окружающий мир, когда-то такой обустроенный, простой и спокойный. По счастью, этой войне суждено было продлиться еще не более пяти месяцев. 11 ноября бои прекратились. Война взяла передышку. И хрупкий мир повис над пространством Европы.

На время Швейцер становится врачом городской больницы в Страсбурге и викарием церкви Св. Николая. Занимается редакторской и издательской работой. Казалось, судьба изменила доктору: здоровье его пошатнулось, а финансовые долги все больше давали знать о себе. Но именно в этот несчастный для всех 1919 год случилось светлое событие — Швейцер наконец стал отцом. В его день рождения, 14 января, Елена родила девочку, которую назвали Реной. Тогда же от шведского архиепископа Натана Сёдерблума²⁸ (который разыскивал Швейцера со времен его возвращения) приходит спасительное приглашение прочесть несколько лекций в университете города Упсала, а испанские друзья вспоминают о таланте Швейцера-органиста и просят его дать несколько концертов в Барселоне. С огромным трудом он собирает средства на эту поездку. Но как много значила она для него! Жизнь и творчество Швейцера возрождается, как разгорается с новой силой пламя, на миг приглушенное холодным дуновением ветра. Уже после приезда в Швецию Сёдерблум смог организовать для Швейцера небольшое турне по стране, что позволило ему поправить свое состояние и по большей части расплатиться с долгами. К тому же он наконец смог почувствовать, что дело его живет не напрасно.

Сам Швейцер порой говорил о том, что значение наших дел должно быть сокрыто от нас, и это является правильным, но иногда судьба приоткрывает перед нами эту завесу для того, чтобы мы не впадали в отчаяние. Так было и в этот раз.

Альберт Швейцер возвращается в мир послевоенной Европы. Он вновь выступает с концертами и лекциями,

²⁸ Натан Сёдерблум (Lars Olof Jonathan Söderblom) (15.01.1866–12.07.1931) — шведский архиепископ, лауреат Нобелевской премии мира за 1930 год. Выпускник университета Упсалы. В период Первой мировой войны Сёдерблума сделало известным его христианское движение за мир, а в 1921 году он был принят в Шведскую академию. Считается одним из основателей движения христианского экуменизма.

он вновь проповедует в такой знакомой для него Страсбургской церкви²⁹.

И все это время он продолжает трудиться над своей философией — новой для мира идеей уважения ко всему живому как обоснования нравственного отношения человека к себе самому и своему окружению.

Здесь, в Европе, Швейцер заканчивает один из главных своих трудов — «Философию культуры» («Kulturphilosophie»), в котором наиболее полно раскрывает мысль о духовном упадке современного ему человечества и, что более всего важно, рассказывает о возможностях его возрождения. Он говорит миру о том, что ключом к миропониманию и мироощущению по логике является всеобъемлющая этика — воспринимаемое человеком нравственное учение сопереживания всему живому. Понятие о нравственности становится главным предметом его философских рассуждений.

Во второй части книги Швейцер окончательно формирует свой универсальный этический принцип. Принцип благоговения перед жизнью.

«Ich bin Leben, das leben will, inmitten von Leben, das leben will» («Я жизнь, которая хочет жить, существующая среди жизни, которая хочет жить»), — так звучит одно из его оснований. «Этика заключается, следовательно, в том, что я испытываю побуждение выказывать равное благоговение перед жизнью как по отношению к моей воле к жизни, так и по отношению к любой другой». «Этика есть безграничная ответственность за все, что живет» [6], — заключает Швейцер.

Книга «Культура и этика» («Verfall und Wiederaufbau der Kultur. Kultur und Ethik») увидела свет в 1923 году. С тех пор она остается бесценной частицей мозаики мировой человеческой мысли. В ее заключении Швейцер уподобляет свою

²⁹ Именно там в феврале 1919 года впервые публично провозвестит о себе идея Швейцера о нравственном принципе «благоговения перед жизнью» как основе настоящей культуры и подлинной добродетели.

этику недостроенному собору. Его этический принцип оставляет здание неоконченным: его этика «завершает только клирос» [6]. А это значит, что его этика уважает свободу и вверяет человека его внутреннему побуждению и голосу его совести.

Но вместе с тем этика Швейцера деятельна. «Истинная этика начинается там, где перестают пользоваться словами» [6], а «личный пример не просто лучший метод убеждения, а единственный», — говорит он.

За время своего пребывания в Европе Швейцер посещает с лекциями и организовывает концерты Швецию (1920, 1922), Швейцарию (1921, 1922), Испанию (1921), Англию (1922) и другие страны.

В это же время выходят в свет его новые работы: «Между водой и девственным лесом» («Zwischen Wasser und Urwald», 1921), в которой он подробно описывает свой первый период работы в Ламбарене; философско-религиозный труд «Христианство и мировые религии» («Das Christentum und die Weltreligionen», 1923), в котором приводится удивительно интересное размышление о позитивном и негативном характере отношения к жизнеутверждению в религиозном сознании и рассуждение о христианстве как о глубочайшей религиозной идее, а также упомянутая в третьей главе настоящего повествования небольшая книга воспоминаний о детстве и юношестве («Aus meiner Kindheit und Jugendzeit», 1924).

Четыре года чтения лекций в крупнейших европейских университетах (1920–1924) были всего лишь временным занятием. И в феврале 1924 года Швейцер возвращается в Ламбарене.

Он должен был вернуться назад. Вернуться, чтобы продолжить свое начинание. Вернуться, несмотря ни на что и во многом вопреки, казалось бы, уже вновь наладившейся жизни преуспевающего семейного европейца. Его звал долг. Точно так же, как и десять лет тому назад, когда он впервые ступил на африканскую землю, и ничто не могло остановить его стремления вернуться на свое место, однажды уже избранного

им для воплощения своих идеалов и утвердившихся в опыте жизненных принципов.

Еще в 1920 году Швейцер закончил книгу о своем первом пребывании в Африке³⁰, в которую вошли его наблюдения и заметки за четыре года работы. В ее заключении Швейцер указывал: «Что же касается меня самого, то после того, как мое пошатнувшееся с 1918 года — из-за двух перенесенных операций — здоровье теперь восстановлено, и после того, как благодаря органным концертам и прочитанным мною лекциям я получил необходимые средства, чтобы расплатиться с долгами, в которые мне пришлось войти, когда началось строительство больницы, я решил продолжать мою врачебную деятельность в глубинах Африки...

На основании моего собственного опыта и опыта всех колониальных врачей отвечаю, что и один-единственный врач с самыми скромными средствами может значить очень много и для многих. То добро, которое он может сделать, в сто раз ценнее и тех жизненных сил, которые приносит он в жертву...

Чужое страдание, которое я видел, придает мне силу, а вера в человека наполняет меня мужеством. Хочется верить, что найдется достаточно людей, которые, избавившись от физических страданий, из одного только чувства благодарности откликнутся на призыв помочь тем, кто страждет еще и теперь» [5].

Его звал долг человека, однажды познавшего радость добра, которое он смог подарить людям, и долг человека, имевшего представление о том количестве страданий, которые он еще мог бы предотвратить и исправить.

Так началось второе путешествие Швейцера в Африку.

Больница была в запустении, ведь прошло почти семь лет с того момента, как ее основатель покинул эти края. Если

³⁰ «Zwischen Wasser und Urwald» — «Между водой и девственным лесом. Переживания и наблюдения врача в девственном лесу Экваториальной Африки».

и есть слово, способное вместить в себя все то, чем были наполнены последующие годы, то это слово «работа». Тяжелая, изнурительная работа, неблагодарная работа по восстановлению госпиталя, строительству новых помещений, медицинскому приему и помощи населению. Швейцер-распорядитель, Швейцер-врач, Швейцер-строитель... Работа занимала почти все возможное время. По счастью, рядом были верные помощники, сочувствующие врачи из Европы, персонал³¹. Многие из них впоследствии уезжали, отдав Ламбарене значительную часть своих сил. Неизменным оставался лишь «Оганга», «большой белый доктор», «врач из африканских джунглей».

Формат этого повествования не позволяет мне хоть сколько-нибудь подробно рассказать обо всех вехах жизни Ламбарене. О них можно легко узнать из множества книг³².

³¹ Список добровольных приезжих помощников Швейцера в период с 1913 по 1965 год насчитывает более 180 человек из самых разных стран мира. Врачи, акушерки, экономки, медсестры, конструкторы, рабочие, плотники... Можно сказать, что больница Швейцера стала настоящим центром практики гуманизма, привлекавшим к себе тех, кто, подобно ему самому, готов был пожертвовать частью своей жизни делу служения людям и проявления деятельной любви к ним. Без этих добровольных помощников функционирование больницы Швейцера в том виде, в каком мы ее знаем, конечно же, было бы невозможным.

³² К примеру, совсем недавно, в 2013 году, увидела свет книга «Docteur Schweitzer, une icône africaine», авторства Огюстена Эмана (Augustine Emane). Выпущенная парижским издательством Fayard, она стала результатом общения ее автора с шестью десятками человек, которые проходили лечение в больнице Швейцера или сопровождали ее пациентов. «Успех Швейцера был связан с тем, что он не ломал представлений и устоев коренного народа и в то же время был истинным „человеком, служащим людям“», — заключает автор. Об этом же говорят и другие исследователи, свидетели и биографы, отмечая внимание Швейцера к культурным особенностям далекой африканской страны и проявления в нем подлинного гуманизма.

Позволю себе отметить лишь атмосферу, царившую в этом месте.

Гуманистический дух, сплетенный с традициями и реалиями местной жизни, вместе с четкой организацией и дисциплиной сделали Ламбарене поистине уникальным местом. Местом, где еще оставалось пространство благоговению перед жизнью. Его деятельному проявлению.

Движимый своими несокрушимыми принципами и жизненным опытом, Швейцер не ломал представления коренного народа о мироустройстве, не смотрел на туземный народ девственного леса с высоты образованного европейца, как в те годы делали многие его соотечественники, но с мужеством принимал те особенности и трудности, что встречались ему на пути. Больница Швейцера была дружелюбной для местных людей и их культуры. Наверное, в этом отчасти заключался успех его миссии.

Да, европейский шовинизм, столь характерный для того времени, был чужд Швейцеру. Он привык видеть в туземцах — представителях иной для него культуры — людей, равных себе в человеческом отношении, но обделенных в культурном. Подчас очень капризных, сложных в общении, своенравных, но... равных, как равными представляются все люди для истинно нравственного человека. С болью в сердце воспринимал он те невзгоды и искушения, что принесла с собою в девственную Африку европейская цивилизация. Вместо того чтобы принести туземным народам культуру, она принесла им соблазны и разрушила их неидеальный, но устоявшийся мир, не предложив взамен почти ничего по-настоящему ценного. В этом состоял наблюдаемый им конфликт колонизации и культуры.

Множество других свидетельств о жизни больницы можно найти и в книгах самого Швейцера, сложенных из его заметок, записанных в разные годы и объединенных под общим названием «Письма из Ламбарене», а также в его биографиях, которые были изданы на десятках языков, в том числе, конечно же, и на русском. (см. стр. 77–80 настоящего издания).

Впрочем, сам Швейцер свою миссию находил в том, чтобы для начала избавить страждущих людей от боли как врач и лишь затем браться за нравовучения. Он не любил высоких слов и предпочитал им конкретное дело. Ему было знакомо то самое деятельное «искусство маленьких шагов», о котором говорил миру Экзюпери.

Будучи опытным руководителем, Швейцер не ломал существовавших устоев, как это весьма неудачно пытались делать до него многие миссионеры и филантропы. Он относился к коренным жителям Африки как «старший брат» и тем самым не разрушал прочно укоренившуюся в сознании и европейцев и африканцев систему взаимоотношений. Он помог своим братьям из девственных мест с искренностью и надеждой, чего было лишено отношение большинства белых людей. Так родилась система взаимного доверия и понимания между ними и «белым доктором». Система, просуществовавшая не одно десятилетие.

Швейцер не был святым, он был простым человеком. Иногда жестким, иногда своенравным. И, как ни показалось бы читателю странным, об этой черте характера его личности тоже нельзя забывать. Еще будучи гимназистом, он получил опыт и понимание того, как важны могут быть упорство и дисциплина, когда они направлены во благо. Жесткий стиль Швейцера как распорядителя помог отстроить больницу, наладить быт, организовать помощь. Без этого его миссия как врача просто не смогла бы существовать. И все же... Временами доктор укорял себя за излишнюю жесткость в своем обращении с миром. Голос совести в нем был столь чуток, что невольно заставлял его размышлять. Размышлять и вновь действовать, поскольку испытаний было немало.

Голод в провинции, стечение больных, изнуряющий влажный и жаркий климат, многочасовая работа, инфекции и разрастающиеся эпидемии — все это приходилось преодолевать, не щадя себя. Но, ведомые приверженностью своему долгу и принципу деятельного соучастия, доктор и его по-

мощники самоотверженно старались облегчить страдания тех, кто обращался к ним за помощью даже в самых тяжелых условиях, когда обстоятельства, казалось, почти превышали их силы.

Второе пребывание Швейцера в Африке продлилось три года. За это время больница выросла и окрепла. Впрочем, это была уже третья больница, которую отстраивал доктор. В январе 1927 года ее пришлось перенести в другое место в трех километрах от прежнего³³, где строительство началось заново. Оно стоило Швейцеру невероятных усилий. Он предвидел все эти проблемы, именно поэтому поначалу ему приходилось хранить мысль о предстоящем строительстве в тайне, чтобы не повергать своих верных друзей в уныние. Во время строительства Швейцер ежедневно следил за процессом. Тем не менее, когда все работы были закончены, доктор смог сказать себе: «Наконец-то мои пациенты могут жить в человеческих условиях». Это была его победа. Победа, которая стоила ему стольких усилий! Тем не менее больнице придется пережить еще не меньшее количество трудностей в сравнении с тем, что были до этого. Но тогда, в 1927 году, доктор уезжает обратно в Европу, завершая свое второе путешествие. Всего же их будет четырнадцать.

21 июля 1927 года Швейцер наконец-то вернулся в Европу. Вернулся к свежести и тишине родного эльзасского лета, просторам полей в широкой долине Рейна и зелени виноградной лозы в предгорьях Вогезов. Осенью и зимой он выступает с концертами и лекциями в Швеции и Дании, весной

³³ Из местечка Анденде, где располагались первая, основанная в 1913 году, и вторая, вновь отстроенная после второго приезда Швейцера в Африку, больницы, в Адолинанго — место, находившееся в нескольких километрах от прежнего, выше по течению Огове.

Решение о переносе больницы Швейцер принял еще в октябре 1925 года, о чем поначалу не сообщал никому, и, лишь окончательно утвердившись в верности своего решения, он принялся за работы по строительству новой больницы.

и летом совершает еще две поездки в Данию и Голландию. 28 августа во Франкфурте Швейцеру присуждают Гётевскую премию в знак «признания его заслуг перед человечеством» [4]. Эти деньги будут израсходованы на обустройство нового дома в Гюнсбахе, который станет местом отдыха для персонала больницы в Ламбарене³⁴. В 1929 году Швейцер посещает Швейцарию, Германию, Чехию. А 3 декабря вместе с Еленой вновь отправляется к берегам Огове, чтобы в душном и влажном экваториальном климате продолжить свою самоотверженную работу.

Весной 1930 года состояние Елены ухудшается, и она вынуждена вернуться в Европу. Доктор остается на своем месте. Тогда же он заканчивает вторую книгу воспоминаний «Из моей жизни и мыслей» («Aus meinem Leben und Denken», 1931), которая увидит свет в следующем, 1931-м году.

В январе 1932 года Швейцер вновь посещает с концертами и лекциями европейские страны. Германия, Голландия, Англия, Шотландия... Дважды — 22 марта во Франкфурте и 9 июля в Ульме — он произносит речь, посвященную памяти Гёте, столетие со дня смерти которого отмечалось в том далеком году³⁵.

³⁴ Ныне в нем располагается музей и архив Альберта Швейцера. Найти его вовсе не сложно — он находится на главной дороге, проходящей чрез Гюнсбах, всего в нескольких сотнях шагов к западу от деревенской церкви (Route de Munster, 8).

³⁵ Гёте был знаковой фигурой для Швейцера. Во многом знаменитое гётевское «В начале было дело» («Im Anfang war die Tat!») перекликалось с жизненным принципом самого Швейцера. Еще в 1898 году, в период сдачи экзаменов по теологии, 23-летний Швейцер проживал в страсбургском доме по адресу Фишмаркт, 36 (ныне Rue du Vieux Marché aux Poissons) — в том самом доме, в котором, будучи студентом (с 1770 по 1771 год), жил Гёте. В творчестве Гёте, в его философии Швейцер черпал свое вдохновение как мыслитель и как человек.

«Гёте был мыслителем. Это становится ясно каждому, кто соприкасается с его жизнью и творчеством. Во многих его поэтиче-

В 1933–1934 годах Швейцер вновь работает в Ламбарене. В то же самое время в Германии к власти приходят нацисты. Предчувствуя надвигающуюся опасность, семья Швейцера — Елена и их 14-летняя дочь Рена — переезжает в Лозанну.

В октябре 1934 года Швейцер читает лекции по философии в Англии и Шотландии. С февраля по август 1935 года работает в Ламбарене. В августе продолжает свой цикл лекций в Эдинбурге. В 1937 году Елена отправляется в Америку, где выступает с докладами о Ламбарене. В последующие военные годы помощь от американских друзей больницы помогает учреждению выстоять.

Два года, с января 1937-го по январь 1939-го, Альберт Швейцер продолжает трудиться в больнице. Наконец, по прошествии этого времени он решает вновь посетить Европу. Однако, только лишь сойдя на берег в Бордо, Швейцер ощущает приближающееся дыхание новой войны. Это дыхание было ему знакомо. Оно захватывает сердца и умы людей куда раньше, чем звучат первые выстрелы. Так было и в этот раз. Не заметить этого было нельзя.

По инерции он доезжает до родного Эльзаса и тут же возвращается в Африку — на том же самом пароходе, который вез его к берегам Франции несколько недель назад и теперь

ских произведениях звучат мировоззренческие вопросы» [8], — так начинает Швейцер свою речь о Гёте, произнесенную в Ульме в июле 1932 года.

«Чья жизнь в стремлениях прошла, достоин тот спасенья», — напоминает нам Гёте. Так же как Швейцер, Гёте придерживался идеи самосовершенствования человека через его стремления и смирение.

«Мировоззрение Гёте включает в себя смирение. Причем также и в том смысле, что действовать надлежит не ради успеха, а просто из внутренней необходимости» [8], — говорит Швейцер. Это обстоятельство роднит мировоззрение Швейцера с мировоззрением Гёте.

А образы, в которых Гёте представлял свои мысли, видятся Швейцеру естественными и пережитыми, а значит, искренними и живыми. В единстве художника и мыслителя Швейцер находит величие Гёте.

уходил в обратный рейс. Как жестоко ошибались лучшие умы и сердца, полагавшие, что люди, пережившие однажды одну большую войну, не допустят ее повторения. Как жестоко была разбита их надежда на скорое всеобщее вразумление. Тучи вновь сгущались над миром. И ни один мыслитель уже не мог помешать этому. Человечество так и не научилось контролировать себя, кризис культуры еще не миновал и готовился проявить себя новым безумием.

Итак, Швейцер возвращается в Ламбарене. Возвращается на долгие десять лет.

Глава VII

С благоговением перед жизнью

«Его предсказания сбылись... цивилизация достигла предсказанной им фазы развития — полного варварства» [4]. Вторая мировая война стала логическим продолжением упадка культуры западного мира. Быть может, туземцы, эти «дети природы», оказались куда более цивилизованными, чем представители нашей, казалось бы, высокоразвитой культуры.

«История нашего времени характеризуется беспрецедентным отсутствием всякого разума. Будущие историки когда-нибудь подробно проанализируют эту историю и проверят ею свои знания и свою непредубежденность. Но на все времена одно останется несомненным: тот факт, что мы пытались жить и развивать культуру, не имеющую в основе этического принципа» [4], — заключает философ.

Тяжелые годы Второй мировой войны Ламбарене переживало в режиме строгой экономии. Эти годы были, пожалуй, одними из самых сложных для жизни больницы. Но она продолжала работать. Помогали американские друзья, да и у руля был незаменимый, движимый высшей идеей Альберт Швейцер. Тяжесть и напряженность работы, борьба за каждый флакон лекарства и мешок драгоценного риса давали о себе знать. Дни складывались в недели, недели в месяцы, месяцы в годы. И все же больница выстояла. Ценой невероятных усилий ее основателя и персонала, самоотверженно исполнявших свой долг все это нелегкое время.

Порою казалось, что продолжать работать, да и просто выжить в сложившихся условиях совсем уже невозможно. Отчаяние и бессилие перед лицом обстоятельств могли бы

сломить любого. Но усилия доброй воли меняют людей и делают их стойкими ко многим испытаниям, выпадающим на их судьбы.

По вечерам над маленьким больничным поселком звучали прелюдии и фуги в исполнении доктора. Та самая музыка Баха, которую он так любил и которой предавал себя без остатка. Эта тихая музыка отвлекала людей от бесконечной усталости, вселяла в них уверенность и надежду и придавала помощникам доктора сил тогда, когда те, казалось бы, уже совсем покинули их.

Война в Европе закончилась 8 мая 1945 года, однако кризис культуры не заканчивается одномоментно. Человечество слепо к своим ошибкам.

Ночью 6 августа 1945 года в больнице боролись за жизнь роженицы. Несмотря на продолжительность работы и усталость врачей, все прошло успешно. Женщина и ребенок остались живы.

6 августа 1945 года... В эту ночь на другом конце планеты всего одной бомбой с лица земли был стерт целый город. Днем известие об этом событии достигло Ламбарене. Наверное, еще долго будут жить слова, сказанные А. Швейцером своей помощнице Матильде Коттман, прибывшей в тот день в госпиталь: «Когда всего одной бомбой уничтожают тысячи жизней, моя задача — показать этому миру, насколько ценна может быть одна-единственная человеческая жизнь». И это ему удалось. Ценой невероятных усилий и упорным, каждодневным трудом.

После войны известность Швейцера достигает всемирного масштаба. Мир истосковался по человечности. Не раз Швейцер выбирается в Европу и даже в Америку (1949). Становится почетным доктором множества университетов. Получает огромное количество премий и всеобщее признание.

Десятки и сотни тысяч печатных страниц, километры архивной пленки, многие тысячи фотографий. В те годы о нем снимают документальные фильмы и пишут многочисленные

книги, рассказывающие об истории и жизни доктора из экваториального леса³⁶. Одна из них, объединившая в себе работы знаменитого австрийского писателя Стефана Цвейга, Жака Фешота и Рудольфа Грабса, была озаглавлена сколь величественно, столь же и просто. Ее заглавие называло Альберта Швейцера не иначе как «гением человечности» — «Genie der Menschlichkeit» — и, вероятно, отражало подлинные настроения общества своего времени.

Был ли привержен сам Швейцер подобным эмоциональным и восторженным взглядам на историю своей деятельности? Трудно сказать. Высокомерие не было для него характерно. Об этом говорят его письма, совершенно лишенные возвышенной риторики или избыточной романтики. Об этом свидетельствуют и многочисленные примеры из жизни, о которых потом вспоминали его друзья. Куда больше его интересовали насущные проблемы больницы, которых все еще было немало и которые, как и прежде, ему самоотверженно приходилось решать. И вместе с тем он вынашивал в своей голове идеи об этической философии, которая соединяла бы в себе этику и эстетику, веру и знание в едином мировоззрении. Как и прежде, он продолжал оставаться усердным, заботливым доктором. Как и прежде, он продолжал оставаться глубоким мыслителем и преданным своему призванию человеком.

Бесконечное количество лекций, органных концертов и бесед прошло за эти годы. При этом ни на минуту доктор не забывает о деле своей жизни в далеком африканском поселке. Вновь и вновь он возвращается к своему рабочему месту в душевной комнате дома, стоящего посреди построенной им больничной деревни.

К тому времени доктор уже отпраздновал свое семидесятилетие. Но работа захватывает его, и Швейцер не дает себе надежды на отдых. Он видит, что в оставшиеся дни ему

³⁶ Хотя первые из биографических книг, посвященных Альберту Швейцеру, относятся еще к двадцатым годам прошлого века.

придется работать так же напряженно, как раньше. Возможно, многолетняя накопившаяся усталость вошла у него в привычку, а может, он видел, что его миссия в этом мире еще не закончена.

«Он не проповедовал, не убеждал, не стремился стать образцом и утешением для многих. Он действовал лишь по внутреннему побуждению» [3], — скажет о жизни Швейцера А. Эйнштейн. Но его слушали. Быть может, даже больше, чем слушали речи политиков, извечно меняющих свои принципы и играющих ими, подобно картежникам. На их фоне доктор из джунглей, верный своим убеждениям, казался скалой, возвышающейся над пучиной страстей, в которые всегда был погружен наш мир.

Настало время прямо обратиться ко всем людям.

16 сентября 1951 года во Франкфурте Швейцер произносит речь «Человечество и мир», а 1 марта 1952 года в шведской газете *Swensk morgonbladet* выходит его статья с призывом к миру и разоружению. В это время доктор находится в Ламбарене. Это уже его девятая поездка в Африку. 20 октября того же года уже в Европе он выступает с докладом «О роли нравственного начала в развитии человеческой мысли». А в ноябре вновь возвращается в Ламбарене.

Наконец, в последний день октября 1953 года в Ламбарене приходит известие о том, что Нобелевский комитет присудил Альберту Швейцеру премию мира. Формулировка Нобелевского комитета гласила: «За миссионерскую деятельность». С вершины сегодняшних знаний мы можем оценить, сколь верной оказалась эта формулировка, ведь «миссия» Швейцера не ограничивалась больничным комплексом в далеком африканском поселке. Она охватила собою весь мир.

Само известие о высокой награде Швейцер воспринял довольно спокойно, в весьма свойственной ему манере. Застигло же оно его во время чистки загона для антилоп, которых он заботливо держал при больнице. Полученные деньги были потрачены на строительство деревни для прокаженных

недалеко от основного комплекса Ламбарене, начало которому было положено еще в 1951 году.

В 1954 году Швейцер едет в Европу. 28 и 29 июля он дает свои последние органные концерты, посвященные дню памяти Баха в Страсбурге. А 4 ноября, спустя почти год после известия о своем награждении, он произносит свою нобелевскую речь «Проблема мира в сегодняшнем мире»³⁷. В ней Швейцер выразил свою искреннюю надежду на то, что этический дух — дух всеобщего ощущения взаимной ответственности людей друг за друга — когда-нибудь сможет изменить их и возродить устремленное на достижение мира сознание, без которого тщетны любые попытки миротворческой деятельности.

«Нельзя недооценивать его силу (силу этого духа — С. Г.), — говорил тогда Швейцер. — Ведь он представляет собой фактор, действующий на протяжении всей истории человечества. Он творит гуманистические убеждения — источник любого совершенствования форм бытия человека. Пока мы придерживаемся гуманистических убеждений, мы верны самим себе, способны к созиданию» [10].

Конечно, Швейцер отдавал себе отчет в том, насколько сложной представляется эта задача, но вместе с тем не терял доброй надежды, ведь к тому времени на своем личном примере он смог продемонстрировать миру и самому себе то, что этический дух может быть руководящей и действенной силой.

«В то время, в котором мы живем, каждая демонстрация духа, какой бы слабой она ни была, имеет свое значение, ибо если огонь вспыхнет, то он сможет зажечь горючее, которое само по себе не воспламенится. А это горючее — добрые, гуманные чувства, которыми наполнены сердца людей, и мы можем надеяться, что оно воспламенится» [1], — скажет Швейцер однажды. Таким пламенем для многих был пример его жизни.

В нем истинно претворились в жизнь слова о том, что тот, «кто теряет свою жизнь, тот ее находит». Еще в 1931 году Швейцер напишет: «Когда я в первый раз приехал в Африку,

³⁷ «Das Problem des Friedens in der heutigen Welt».

я приготовился принести три жертвы: расстаться с игрой на органе, отказаться от педагогической деятельности, которой я отдавался всей душой, и потерять материальную независимость, в результате чего мне до самой смерти пришлось бы полагаться на помощь друзей.

Однако теперь со мной случилось то же самое, что с Авраамом, когда он приготовился принести в жертву своего сына. Пианино с рассчитанным на тропики органным педальным устройством, подаренное мне Парижским баховским обществом, и здоровье мое, одержавшее верх над тропическим климатом, дали мне возможность постоянно упражняться в игре на органе. Долгие тихие часы, которые за эти четыре с половиной года уединенной жизни среди девственного леса мне довелось провести в обществе Баха, позволили мне глубже проникнуть в дух его творчества.

И вот я вернулся в Европу, отнюдь не превратившись в дилетанта, а в полной мере владея техникою игры, и мой исполнительский талант стали ценить еще больше, чем прежде.

За оставленное преподавание в Страсбургском университете я был вознагражден тем, что получил возможность читать лекции в ряде других университетов. А если я на какое-то время и утратил материальную независимость, то теперь я снова обрел ее все тою же игрой на органе и литературным трудом» [5].

Пример Швейцера демонстрирует нам замечательное правило вознаграждения искреннего намерения. «Делай, что должно, а должно делать то, что служит добру!» — порой говорит нам наша совесть. Как жаль, что мы часто не слышим ее голоса.

Делай, что должно! Часто же мы боимся принести в жертву что-то временное в угоду высшему, настоящему. Но искренний труд и самоотдача всегда компенсируют эту жертву. Так было и в жизни Альберта Швейцера.

Но кроме того, Швейцер получил куда более высокую награду.

В 1963 году на том самом месте, где полвека назад доктор основал свою первую больницу, в своей речи доктор признается: «Сколько раз я задавал себе один и тот же вопрос: „Что бы ты делал, если бы не приехал сюда?“ Раздумывая об этом, я всякий раз приходил все к той же мысли: „Какое это счастье, что я отправился в Ламбарене; ведь здесь, в Ламбарене, я нашел то, что искал: любовь, доверие, готовность помочь и полезную людям работу“» [5].

Швейцер нашел то, что искал. Пожертвовав малым, которое на первый взгляд кажется многим, он получил действительно многое.

Мы же порою проводим в этих поисках огромное время, не желая поступиться мимолетными мелочами и поделиться своей деятельной любовью и соучастием с окружающим миром. Тем более важным для нас становится пример его подвига.

Зиму и весну 1954–1955 годов Швейцер проводит в Африке. 12 января в Ламбарене приезжает Елена. Тогда же весь мир празднует восьмидесятилетие доктора. В мае заканчивается строительство деревни для прокаженных. В эти годы быт больницы был уже более-менее налажен, в ней работали замечательные специалисты со всего мира, приезжавшие сюда по зову своего сердца. Жизнь идет своим чередом, и Швейцеру удается все чаще на короткие сроки выбираться в Европу.

Его двенадцатая поездка в Африку приходится на декабрь 1955 года. Вместе с женой он приезжает в свой второй дом.

Пребывание в Африке, трудности военного времени сказались на здоровье Елены. В мае 1957 года Елены Швейцер-Бреслау не стало. С тех пор доктор стал меньше улыбаться. Но сила его воли и его разума не позволяла ему оставить свой долг. С благодарностью оглядываясь на свое прошлое, он со спокойствием и смирением смотрел в свое будущее.

Но будущее человечества продолжало его беспокоить. Нравственные уроки прошедших десятилетий, казалось, так и не были усвоены миром.

Еще весной 1957 года Альберт Швейцер выступает с обращением ко всему человечеству в связи с угрозой атомной войны. В те же дни в мире организуется сообщество ученых, объединенных нравственным пониманием и тревогой за будущее человечества. Технический прогресс в отрыве от нравственной культуры заставляет их с волнением смотреть на то, что происходит в окружающем мире. Подобного сообщества ученых мир не знал ни до, ни после этих времен. Проблема атомной угрозы беспокоит лучшие умы человечества.

Три раза — 28, 29 и 30 апреля 1958 года — Швейцер выступает по норвежскому радио с призывами остановить испытания ядерного оружия. Среди его корреспондентов уже много десятилетий были знаменитейшие ученые, писатели, политики, президенты. Он получал от них множество писем и отвечал им. Но теперь он обращался ко всем — ко всем разумным людям нашей планеты. Доктор хотел в любой возможной степени, хоть сколь-нибудь уберечь мир от свойственных ему ошибок, которых на его веку мир допустил уже слишком много. И если он мог что-нибудь сделать для этого, то он старался это исполнить, ведь теперь его голос слышали и, что куда как более важно, его голос слушали. А значит, его старания были совсем не напрасны.

Осень 1959 года Альберт Швейцер проводит в Европе, совершает несколько поездок, а 9 декабря в четырнадцатый — и последний — раз отправляется в Ламбарене, где встречает свое восьмидесятипятое.

Швейцер стал поистине символом своей эпохи. Эпохи, которая даже сейчас поражает воображение обилием жестокости и безумия. Тем контрастнее выглядит на этом фоне личность Швейцера. Ведь чем сильнее мрак, тем более ярким кажется свет от зажженной свечи. Таков был свет жизни

Альберта Швейцера, жизни, прожитой с благоговением ко всему, что живет.

Даже будучи уже в почтенном возрасте, он продолжал руководить больницей и строить ее. Он работал все так же самоотверженно, как и пятьдесят лет назад, когда в первый раз ступил на африканскую землю. Разве что силы его были уже не те, а походка стала чуть более медленной.

Плодовые деревья на фруктовых плантациях, посаженные им несколько десятилетий назад, успели вырасти и давали богатый урожай, который теперь собирали его пациенты. А девочки, когда-то появившиеся на свет в стенах швейцеровской больницы, вновь приезжали сюда, для того чтобы уже самим стать матерями.

Как и тридцать лет назад, Швейцер смиренно смотрел в будущее взглядом философа и иногда лишь только печалился о том, что не ему придется в будущем строить больницу. Но до самых последних дней он продолжал трудиться и верить в будущее возрождение цивилизации и культуры; в основе ее лежало бы всеобъемлющее и понятное каждому нравственное отношение, о котором он говорил столько лет и которое ему удалось претворить в жизнь в маленьком местечке, затерянном в далекой африканской глуши.

Мог ли кто-нибудь тогда, пятьдесят лет назад, в начале двадцатого века, только подумать о том, что название небольшого африканского поселка, затерянного среди габонских лесов, станет известным для всего мира? Что оно будет воскрешать в людях надежду на возможность искренней помощи ближнему и деятельного сочувствия, о которых так много упоминают и говорят, но каких мы порою так мало видим в действительности?

Мог ли кто-нибудь тогда предположить, что десятки и сотни людей, представляющих разные страны и континенты, по одному лишь велению сердца и доброй воли будут самоотверженно трудиться посреди девственного леса в далекой провинции лишь затем, чтобы своим действием хотя

бы немного уменьшить то количество страдания и боли, которые безучастно и каждодневно случаются в нашем мире?

Однако все это было действительностью. И все это в сердце своем было заслугой всего одного человека — идеалиста, мечтателя, гуманиста, философа, — человека, которому путем невероятного напряжения своих сил и непоколебимой веры в свои идеалы удалось воплотить их в реальность, демонстрируя миру силу проявления духа.

А еще доктор был для всех просто добрым и отзывчивым человеком, который обходил больных каждый вечер и общался с ними так же сочувственно, как и полвека назад. Как и полвека назад, он давал приют и помощь любой жизни, испытывающей боль и страдания. Как и тогда, он видел свое предназначение служению добродетелям сострадания и любви, о которых он свидетельствовал всей своей жизнью.

Однажды друзья Швейцера сказали ему, чтобы он берег себя от чрезмерной нагрузки, которая всегда сопровождала его на его жизненном пути. «Нельзя жечь свечу с двух сторон», — аргументировали они свое измышление. «Можно, если свеча достаточно длинная», — столь же аргументированно ответил Швейцер. Свет от этой свечи видим мы до сих пор.

Швейцер-философ, Швейцер-музыкант, Швейцер-теолог, Швейцер-врач, Швейцер-гуманист, Швейцер-человек — вот лишь немногие из тех ролей, в которых он известен людям. Несколько тысяч слов, из которых состоит настоящее повествование, безусловно, не могут сколько-нибудь полно раскрыть всю глубину личности уникального человека, каким был Альберт Швейцер. Не могут они передать и весь драматизм истории его жизни.

Но даже эти несколько сказанных ныне слов способны вместить главное — тот идейный пример нравственности, сочувствия и сострадания, который стал целью, смыслом и образом жизни Альберта Швейцера. Сама же его жизнь стала выдающимся аргументом в защиту идеи всеобщей значимости нравственного начала.

Мы часто задаемся вопросом о роли личности в истории мира. Личность и жизнь Альберта Швейцера являются одним из тех ярких примеров, что говорят нам о том, как всего одна жизнь путем своего подвига, своего образа способна менять нас самих, а значит, менять и наш мир. В одном из своих писем к Елене Швейцер укажет, что более всего он стремился быть лишь человеком, простым человеком³⁸. Для него это было наивысшее звание, дорога к которому пролегла по пути глубокой ответственности и нравственной самоотдачи. Это стремление было главной его мотивацией. Быть достойным самого высокого призвания в мире — быть простым, быть истинным человеком!

Когда-нибудь любая жизнь угасает. Свеча гаснет, отдавая людям свой свет и тепло. Это закон нашего мира. Альберт Швейцер прожил на этом свете 90 лет. 4 сентября 1965 года знаменитого доктора не стало. Альберт Швейцер умер. Умер? А что значит умер? Ведь этого мы не знаем, как говорил сам Швейцер.

И пока на разных языках мира звучат слова «Ehrfurcht vor dem Leben», «Respect de la Vie», «Reverence for Life», «Благоговение перед Жизнью», Альберт Швейцер находится рядом с нами, освещая своим опытом дорогу к добродетелям всеобщего сопереживания и нравственного служения людям — делам, очищающим сердце и организующим разум.

³⁸ «Я отказался от намерения стать великим ученым. Я хочу быть больше этого — просто быть человеком». Из письма Альберта Швейцера Елене Бреслау, написанного 25 февраля 1905 года [11].

Эпилог

Более всего мне хотелось бы, чтобы читатель увидел за образом подвижника обыкновенного человека, посвятившего себя своему призванию. Так же, как и Швейцер, любой из нас по своей природе в малом деле способен к сопереживанию и помощи ближнему, к деятельному участию и этической самоотдаче.

Но как редко мы задумываемся над этим! Жизнь Альберта Швейцера, его мысли, его пример ясно показывают нам, как можно и как должно жить в существующем мире.

Снова и снова обходя одну за другой комнаты дома в Кайзерсберге, рассматривая листы, исписанные широким и мелким почерком, нотные записи, схемы и фотографии, я ни на минуту не терял ощущения близости подвига человеческой жизни для каждого из нас. Пусть даже ненамного, совсем на чуть-чуть, но каждый из нас может посвятить себя жизнеутверждению на своем месте. Наше Ламбарене может быть совсем рядом, стоит лишь повнимательнее оглянуться вокруг. Из маленьких фрагментов палитры складывается большая картина, из семи скромных нот — симфония.

Музыка. Неповторимое звучание жизни, которое откликается в сердце каждого человека и которое наполняет наш мир. Швейцер определенно слышал, умел слышать эту музыку.

Этой была его музыка, которой он так самозабвенно отдавал себя. Сама его жизнь похожа на симфонию. Симфонию самоотверженного труда, побед и разочарований, сострадания и любви. Как музыкант и мыслитель он не допускал в музыке и намерениях никакой фальши, прекрасно слыша ее во всем.

Он оперировал раны и язвы так же ловко, как до этого обращался с мануалами старинных органов. Так же ловко он оперировал вдохновением своей мысли, которое в итоге трансформировалось в его жизнеутверждающий этический принцип.

Старинное пианино до сих пор хранит в себе память о прелюдиях и фугах, которые играл на нем мастер. Время пощадило его. Наследие человеческой мысли так же хранит в себе «музыку» Швейцера, и время не властно над ним.

«Сделайте что-то хорошее — и люди последуют вашему примеру», — говорил Альберт Швейцер. «Идеал культурного человека есть не что иное, как идеал человека, который в любых условиях сохраняет подлинную человечность» [6].

За фасадом дома, где сегодня находится музей, расположен небольшой сквер, укутанный тенью невысоких деревьев. Когда утреннее солнце поднимается по небосклону, его лучи освещают площадку, на которой стоит маленький памятник тому, чье имя теперь прочно связано с этим городком. Свежий ветер спускается со склонов, и в особую минуту тишины, когда уже не слышно шума улицы и солнечные лучи, проникая сквозь кроны деревьев, освещают площадку сквера, над башенкой дома и бюстом появляется играющее сияние, ласкающее взгляд. Спокойствие и умиротворенность царят в этот момент и в сердце, и в окружении.

Быть может, в тот же момент такое же сияние появляется над листьями масличных пальм, склонившихся над водой в небольшом африканском поселке. Это сияние, вполне естественное, но такое эфемерное, утверждает в душе мысль о подлинном единстве нашего мира и великой, но простой идее особого к нему отношения, доступного каждому. Отношения, исполненного благоговения перед жизнью.

Библиографический список

Источники, использованные в тексте
(прямые ссылки)

1. Геттинг Г. Встречи с Альбертом Швейцером / пер. с нем. В. Я. Шапиро // Альберт Швейцер — великий гуманист XX века: Воспоминания и статьи / сост. В. Я. Шапиро, ред. В. А. Карпушин — М. : Наука, 1970. — С. 5–113.
2. Друскин М. Альберт Швейцер и его книга о Бахе // Иоганн Себастьян Бах / А. Швейцер. — М. : Классика-XXI, 2011. — С. 639–640.
3. Зелиг К. Альберт Эйнштейн / Сокр. пер. с нем. Н. Е. Барабановой, М. Б. Запольской, Г. Б. Рабиновича. — М. : Атомиздат, 1966. — С. 215.
4. Носик Б. Швейцер. — М. : Молодая гвардия, 1971. — 410 с.
5. Швейцер А. Между водой и девственным лесом // Письма из Ламбарене / А. Швейцер. — Л. : Наука, 1989. — 471 с.
6. Швейцер А. Культура и этика / пер. с нем. Н. А. Захарченко и Г. В. Колшанского. — М. : Прогресс, 1973. — 342 с.
7. Швейцер А. Жизнь и мысли / сост., пер. с нем. А. Л. Чернявского. — М. : Республика, 1996. — 528 с.
8. Швейцер А. Четыре речи о Гёте / пер. с нем. Л. С. Горбовицкой. — М. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2005. — 124 с.
9. Швейцер А. Из моего детства и юности / пер. с нем. Е. Е. Нечаевой-Грассе // Благоговение перед жизнью : сборник работ /

А. Швейцер ; пер. с нем. ; сост. и посл. А. А. Гусейнова ; общ. ред. А. А. Гусейнова и М. Г. Селезнёва. — М. : Прогресс, 1992. — 576 с.

10. Швейцер А. Проблема мира в современном мире / пер. с нем. Н. А. Захарченко. // Благоговение перед жизнью: сборник работ / А. Швейцер; пер. с нем. ; сост. и посл. А. А. Гусейнова; общ. ред. А. А. Гусейнова и М. Г. Селезнёва. — М. : Прогресс, 1992. — 576 с.

11. Albert Schweitzer — Helene Bresslau. Letters 1902–1912 / Edited by Rhena Schweitzer Miller & Gustav Woytt ; translated from the German and Edited by Antje Bultmann Lemke. — N. Y. : Syracuse University Press, 2003. — P. 20–22.

Источники, использованные
при подготовке материала к печати

Альберт Швейцер — великий гуманист XX века: Воспоминания и статьи / сост. В. Я. Шапиро, ред. В. А. Карпушин — М. : Наука, 1970. — 235 с.

Геттинг Г. Встречи с Альбертом Швейцером / пер. с нем. В. Я. Шапиро ; худ. Д. А. Аникеев. — М. : Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1967. — 132 с.

Носик Б. Альберт Швейцер : Белый Доктор из джунглей. — 2-е изд., перераб. — М. : Текст, 2003. — 431 с.

Фрайер П. Г. Альберт Швейцер : Картина жизни. — 2-е изд. испр. и доп. / пер. с нем. С. А. Тархановой ; отв. ред. и послесл. В. А. Петрицкий — М. : Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1984. — 224 с.

Штефан Х. Альберт Швейцер, свидетельствующий о себе / пер. с нем. Е. Мусихина. — Челябинск: Аркаим, 2003. — 238 с.

Albert Schweitzer – Helene Bresslau. Correspondance. T.1. 1901–1905. L'amitié dans l'amour / introduction et notes J. – P. Sorg. – Colmar : Jérôme, 2005. – 250 p.

Albert Schweitzer – Helene Bresslau. Correspondance. T.2. 1901–1905. L'amour dans l'amitié / presentation, traduction et notes J. – P. Sorg. – Colmar : Jérôme, 2009. – 334 p.

Albert Schweitzer – Helene Bresslau. Correspondance. T.3. 1910–1912. L'Alliance. / introduction et notes J. – P. Sorg. – Colmar : Jérôme, 2011. – 330 p.

Albert Schweitzer – Helene Bresslau. Die Jahre vor Lambarene. Briefe 1902–1912. – München : Verlag C. H. Beck, 1992. – 406 s.

Albert Schweitzer's Lambarene. A Legacy of Humanity for our World Today / translated by Patti M. Marxsen. – Houston, 2010. – 359 p.

Arnold M. Albert Schweitzer. Les années alsaciennes 1875–1913. – Strasbourg : La Nuée Bleue, 2013. – 285 p.

Cicovacki P. Albert Schweitzer's Ethical Vision. – Oxford University Press, 2009. – 254 p.

Cicovacki P. The restoration of Albert Schweitzer Ethical Vision. – London : Bloomsbury Publishing, 2012. – 232 p.

Das Albert Schweitzer Lesebuch. – München : Verlag H. Beck, 2011. – 417 s.

Das Buch der Albert Schweitzer Zitate. – München : Verlag C. H. Beck, 2013. – 391 s.

Emane A. Docteur Schweitzer une icône africane. — Paris : Fayard, 2013. — 283 p.

Poteau S., Mouglin D., Wyss C. Albert Schweitzer. Von Gunsbach nach Lambarene. — Weil-am-Rhein ; Thun ; Gunsbach : Editions AISL, 2008. — 336 s.

Schweitzer A. Afrikanische Geschichten. — Bern und Stuttgart : Verlag Paul Haupt. — 128 s.

Schweitzer A. Aus meinem Leben und Denken. — Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 2011. — 237 s.

Schweitzer A. Aus meiner Kindheit und Jugendzeit. — München : Verlag C. H. Beck, 2006. — 90 s.

Schweitzer A. Briefe aus Lambarene. — München : Verlag C. H. Beck, 2009. — 192 s.

Schweitzer A. Das Christentum und die Weltreligionen. — München : Verlag C. H. Beck, 2002. — 125 s.

Schweitzer A. Die Weltanschauung der Ehrfurcht vor dem Leben. Kulturphilosophie III. Erster und zweiter Teil. — München : Verlag C. H. Beck, 1999. — 493 s.

Schweitzer A. Kulturphilosophie. Verfall und Wiederaufbau der Kultur. Kultur und Ethik. — München : Verlag C. H. Beck, 2007. — 356 s.

Schweitzer A. Ma vie et ma pensée. — Paris : Albin Michel, 2013. — 287 p.

Schweitzer A. Mit Ehrfurcht vor dem Leben. — Verlag Butzon & Bercker, 2008. — 68 s.

Schweitzer A. Predigten. 1898–1948. — München : Verlag C. H. Beck, 2001. — 1392 s.

Schweitzer A. Vivre. Paroles pour une éthique du temps present. — Paris : Albin Michel, 2011. — 228 p.

Schweitzer A. Zwischen Wasser und Urwald. — München : Verlag C. H. Beck, 2008. — 151 s.

Schweitzer A. Out My Life and Thought. 60th Anniversary edition / foreword by J. Carter. New foreword by L. Forrow. Translated by A. B. Lemke. — Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 2009. — 280 p.

The animal world of Albert Schweitzer. Jungle insights into Reverence for Life / translated and edited, with introduction by Charles R. Joy. — Boston : The Beacon Press, 1951. — 207 p.

Некоторые печатные труды А. Швейцера,
изданные на русском языке

Публикуется по книге «Письма из Ламбарене»
(Л. : Наука, 1989. — 471 с.) с добавлениями автора

И. С. Бах / пер. с фр. З. Ф. Савеловой ; под ред. и предисл.
проф. М. К. Иванова-Борецкого. — М. : Гос. изд-во муз. лит.,
1934. — 271 с.

Мир или атомная война [Отрывок из одноименной книги] // *Литературная газета*. — 1960. — 14 янв.

Письмо редактору «Литературной газеты» // *Литературная газета*. — 1960. — 14 янв.

Гениальная простота [О Л. Н. Толстом] // *Литературная газета*. — 1960. — 17 нояб.

Гениальная простота [О Л. Н. Толстом] // *Литературное наследство*. — М., 1966. — Т. 75. — С. 296.

Доверие и взаимопонимание // *Литературная газета*. — 1962. — 26 июня.

И. С. Бах / пер. с нем. Я. С. Друскина ; ред. и послесл. М. С. Друскина. — М. : Музыка, 1964. — 728 с.

Из моей жизни и мыслей [Отрывок «Детство музыканта»] / пер. с нем. Ю. Шпитального // *Музыкальная жизнь*. — 1965. — № 5. — С. 18.

За мир надо бороться // Литературная газета. — 1965. — 14 марта.

Письмо В. Петрицкому // Встречи с Альбертом Швейцером / Г. Геттинг. — М. : Гл. ред. вост. лит.-ры изд-ва «Наука», 1967. — С. 117–118.

История моего пеликана // На море и на суше. — М. : Мысль, 1968. — С. 59–68.

Женитьба в Габоне. Из «Африканских рассказов» / пер. с нем. Е. Шохиной // Азия и Африка сегодня. — 1969. — № 11. — С. 53–64.

Табу и колдовство. Из «Африканских рассказов» / пер. с нем. Е. Шохиной // Азия и Африка сегодня. — 1970. — № 3. — С. 50–51.

Письмо В. Петрицкому // Альберт Швейцер — великий гуманист XX века. — М. : Наука, 1970. — С. 230–231.

Культура и этика / пер. с нем. Н. А. Захарченко и Г. В. Колшанского ; общая редакция и предисл. проф. В. А. Карпушина. — М. : Прогресс, 1973. — 342 с. : портр.

Воспитатель человечества Толстой // Вопросы литературы. — 1976. — № 5. — С. 315–316.

Письма из Ламбарене / пер. и примеч. А. М. Шадрина ; статьи Д. А. Ольдерогге и В. А. Петрицкого ; отв. ред. Д. А. Ольдерогге. — Л. : Наука, 1978. — 390 с. : портр.

Из воспоминаний детства и юности / пер. с нем. Ю. Мадоры // Парус. — М. : Молодая гвардия, 1980. — С. 242–254.

Мировоззрение индийских мыслителей. Фрагменты / пер. с нем. С. М. Харитоновой // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. — Вып. 3. — М. : Наука, 1988. — С. 209–233.

Культура и этика / пер. с нем. А. Текорюс ; вступ. и прим. Р. Жибайтиса. — Вильнюс: Минтис, 1989. — 366 с.

Письма из Ламбарене / пер. с нем. и прим. А. М. Шадрина, С. А. Тархановой, В. А. Петрицкого ; статьи В. А. Петрицкого и Д. А. Ольдерогге ; отв. ред. Д. А. Ольдерогге и В. А. Петрицкий. — Л. : Наука, 1989. — 471 с.

Этика сострадания. Проповеди 15 и 16 // Человек. — 1990. — № 5. — С. 126–133.

Благоговение перед жизнью («Культура и этика», «Мистика апостола Павла» и др. ; библиография) : пер. с нем. / сост. и посл. А. А. Гусейнова ; общ. ред. А. А. Гусейнова и М. Г. Селезнева. — М. : Прогресс, 1992. — 576 с.

Упадок и возрождение культуры. Избранное. — М. : Прометей, 1993. — 512 с.

Жизнь и мысли («Жизнь и мысли», «Христианство и мировые религии», «Мистика апостола Павла», «Религия в современной культуре») / сост., пер. с нем. А. Л. Чернявского. — М. : Республика, 1996. — 528 с.

Вопрос об историчности Иисуса // Классики мирового религиоведения. — М. : Канон+, 1996. — С. 372–390.

Мировоззрение индийских мыслителей. Мистика и этика / пер. с нем. и посл. Ю. В. Дубровина. — М. : Алетейя, 2002. — 288 с.

Четыре речи о Гёте / пер. с нем. Л. С. Горбовицкой. — М. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2005. — 124 с.

Иоганн Себастьян Бах. — М. : Классика-XXI, 2011. — 804 с.

Библиография А. Швейцера

Публикуется по книгам «Благоговение перед жизнью»
(М. : Прогресс, 1992. — С. 516–517) и А. Schweitzer.
«Aus meinem Leben und Denken» (Frankfurt am Main :
Fischer Taschenbuch Verlag, 2011. — S. 232–233)

Eugène Munch. — Mülchausen : Oberels, 1898.

Die Religionsphilosophie Kants von der Kritik der reinen Vernunft bis zur Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft. — Tübingen, 1899.

Die Philosophie und die allgemeine Bildung im neunzehnten Jahrhundert // Das neunzehnte Jahrhundert, 24 Aufsätze zur Jahrhundertswende. — Straßburg, 1900.

Das Messianitäts und Leidensgeheimnis. Eine Skizze des Lebens Jesu. — Tübingen, 1901.

Das Abendmahlsproblem auf Grund der wissenschaftlichen Forschung des neunzehnten Jahrhunderts und der historischen Berichte. — Tübingen, 1901.

J. S. Bach, le musicien-poète. — Paris, 1905.

Deutsche und französische Orgelbaukunst und Orgelkunst. — Leipzig, 1906 (2-е изд. 1927).

Von Reimarus zu Wrede. Geschichte der Leben-Jesu-Forschung. — Tübingen, 1906 (2-е изд. 1913).

J. S. Bach. — Leipzig, 1908.

Internationales Regulativ für Orgelbau. — Wien ; Leipzig, 1909.

Geschichte der paulinischen Forschung. — Tübingen, 1911.

Bach Präludien und Fugen für Orgel. Kritische Ausgabe mit praktischen Angaben über die Wiedergabe dieser Werke. — New York, 1912.

Die psychiatrische Beurteilung Jesu. Darstellung und Kritik. — Tübingen, 1913.

Zwischen Wasser und Urwald. — Bern, 1921 (2-е изд. Bern-München, 1925).

Verfall und Wiederaufbau der Kultur. Kulturphilosophie I. — München ; Bern, 1923.

Kultur und Ethik. Kulturphilosophie II. — München ; Bern, 1923.

Das Christentum und die Weltreligionen. — München ; Bern, 1924.

Aus meiner Kindheit und Jugendzeit. — München ; Bern, 1924.

Mitteilungen aus Lambarene. I–II Heft. — München ; Bern, 1925.

Mitteilungen aus Lambarene. III Heft. — München ; Bern, 1927.

Die Beziehungen der weißen zu den farbigen Rassen, 1928 (На англ. : Contemporary Review, New-York ; нем. : 1950, Göttingen).

Selbstdarstellung. (Sonderdruck aus : Die Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen. Band VII). — Leipzig, 1929.

- Die Mystik des Apostels Paulus. — Tübingen, 1930.
- Aus meinem Leben und Denken. — Leipzig, 1931.
- Goethe-Gedenkrede, gehalten am 22 März 1932. — München, 1932.
- Die Religion der modernen Kultur // The Christian Century, 21 and 28 November. — New York, 1934 (Нем.: 1950 Göttingen).
- Die Weltanschauung der indischen Denker. Mystik und Ethik. — München ; Bern, 1935 (2-е изд. 1965).
- Afrikanische Jagdgeschichten. — Straßburg, 1936.
- Afrikanische Geschichten. — Leipzig ; Bern, 1938.
- Afrikanisches Tagebuch 1939–1945 // Universitas. — Nov. 1946. — Jg. 1, H. 8.
- Über die Lage unserer Kultur. Ein Interview mit Albert Schweitzer. — Basel, 1947.
- Das Spital im Urwald. — München, 1948.
- Goethe. Drei Reden. — München, 1949.
- Goethe. Vier Reden. — München, 1950.
- Philosophie und Tierschutzbewegung. — Günsbach, 1950.
- Ein Pelikan erzählt aus seinem Leben (mit Anna Wildikann). — Hamburg, 1950.
- Vorwort zur 6. Auflage der «Geschichte der Leben-Jesu-Forschung». — Tübingen, 1951.

Die Idee des Reiches Gottes im Verlaufe der Umbildung des eschatologischen Glaubens in den uneschatologischen // Schweizerische Theologische Umschau. — Bern, 1953.

Das Problem des Friedens in der heutigen Welt. — München, 1954.

Briefe aus Lambarene. — München, 1955.

Das Problem des Ethischen in der Entwicklung des menschlichen Denkens // Albert Schweitzer — Genie der Menschlichkeit. — Frankfurt a. M., 1955.

Vom Regen und schöne Wetter auf Äquator. — Heidenheim ; Brenz, 1955.

Appell an die Menschheit. — Heidenheim ; Brenz, 1957.

Friede oder Atomkrieg. — München, 1958.

Humanität. — München, 1961, 1966.

Der Weg des Friedens heute. — München, 1963, 1966.

Die Lehre von der Ehrfurcht vor dem Leben. Grundtexte aus fünf Jahrzehnten. — München, 1966.

Straßburger Predigten. — München, 1966.

Reich Gottes und Christentum. — Tübingen, 1967.

Was sollen wir tun? 12 Predigten über ethische Probleme [1919]. — Heidelberg, 1974.

Schriften aus dem Nachlass. In 5 Bänden. — Heidelberg, 1974.

Aus den Werken zusammengetragen in einem Bande «Denker und Tat». — Hamburg, 1950.

19 bändige Ausgabe der Werke Albert Schweitzers. — Tokio, 1956.

Ausgewählte Werke in fünf Bänden. — Berlin, 1971.

Gesammelte Werke in fünf Bänden (Lizenzdruck der Berliner Ausgabe). — Zürich ; München, 1973.

Краткая биография А. Швейцера: важнейшие даты

Публикуется по книгам «Письма из Ламбарене» (Л. : Наука, 1989. — 471 с.), Б. Носик «Швейцер» (М. : Молодая гвардия, 1971. — 410 с.), А. Абрамов «Человек Альберт Швейцер» (Горно-Алтайск: Типографическая компания; Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. — Кн. 1. Подвиг. — 217 с.), S. Poteau, D. Mougin, C. Wyss «Albert Schweitzer. Von Gunsbach nach Lambarene» (2008. — 336 s.), «The animal world of Albert Schweitzer. Jungle insights into Reverence for Life» (Boston: The Beacon Press, 1951. — 207 p.) в переработке и с дополнениями автора

1875 14 января в Кайзерсберге (Верхний Эльзас, неподалеку от Кольмара) в семье пастора Людвига Швейцера родился второй ребенок — Альберт. В том же году семья переезжает в Гюнсбах в долине Мюнстера.

1880 Альберт начинает играть на рояле.

1880–1884 Учится в деревенской школе в Гюнсбахе.
Учится играть на органе в деревенской церкви.

Осень 1884 Учится в реальном училище (Realschule) в Мюнстере (до осени 1885 года), готовится к поступлению в гимназию.

1885 Поступает в пятый класс гимназии в Мюльхаузене. В это время проживает в семье своего дяди, занимается музыкой со своим учителем Эугеном Мюнхом.

- 1891 Совершенствует игру на органе в мюльхаузенской церкви Св. Стефана, впервые замещает своего учителя во время воскресной службы.
- 1893 18 июня: сдает выпускные экзамены.
Октябрь: первый визит в Париж. Берет уроки игры на органе у Шарля Мари Видора.
Ноябрь: начинает заниматься в Страсбургском университете, где одновременно изучает философию, теологию и теорию музыки.
- 1.04.1894 — Отбывает воинскую повинность в 143-м пехотном полку германской армии.
1.04.1895
- 1896 Принимает решение после достижения 30-летнего возраста посвятить свою жизнь непосредственному служению людям.
- Осень 1897 Пишет квалификационную работу, необходимую для экзамена по теологии: «Идея Тайной вечери у Даниеля Шлейермахера, в сравнении с идеями Лютера, Цвингли и Кальвина».
- 1898 6 мая: сдает первый экзамен по теологии, состоявший из четырех письменных работ (по Новому Завету, Ветхому Завету, догматике и истории церкви), устного экзамена в пяти частях (Новый Завет, Ветхий Завет, история церкви, догматика и практическая теология), а также проповеди в церкви. По результатам экзамена удостоивается личной стипендии.
Лето: продолжает заниматься философией в Страсбургском университете под руководством проф. Циглера и Виндельбанда. Начинает работу над диссертацией по философии.

- Октябрь 1898 — март 1899 Занимается философией в Сорбонне. В это время работает над диссертацией («Философия религии Канта») и учится музыке у Видора.
- 1899 Первая публикация «Эуген Мюнх», посвященная его учителю (Мюльхаузен).
Апрель — июль: изучает философию и орган в Берлине. Серьезно задумывается над упадком цивилизации и причинами, вызвавшими этот упадок.
Конец июля: возвращается в Страсбург, получает степень доктора философии.
1 декабря: становится проповедником церкви Св. Николая в Страсбурге (до 1912 года), сначала в качестве стажера, а затем и викария.
Конец декабря: опубликована философская диссертация о Канте.
- 1900 Защищает диссертацию по теологии. Сдает второй теологический экзамен. Получает степень лиценциата.
- 1901 Становится приват-доцентом Страсбургского университета.
1 мая: возглавляет семинарию Св. Фомы в Страсбурге (до 30 сентября).
Знакомится с Еленой Бреслау.
- 1902 1 марта: первая прочитанная лекция на теологическом факультете Страсбургского университета, посвященная учению о Логосе в Евангелии от Иоанна.
- 1902–1904 Работает над книгой «И. С. Бах, композитор-поэт».

- 1903 1 октября: вторично возглавляет семинарию св. Фомы (до 1906 года).
- 1904 Осень: знакомится со статьей в бюллетене Парижского миссионерского общества о нуждах коренного населения Габона. Статья помогает Швейцеру определить свое будущее призвание.
- 1905 11 марта: первый концерт в Парижском баховском обществе. Деятельное участие в его работе.
13 октября: сообщает о своем решении стать врачом в Африке.
Конец октября: начинает заниматься на медицинском факультете Страсбургского университета.
Осень: заканчивает работу «Немецкое и французское строительство органов и искусство игры на органе» (опубликована в 1906 году).
- 1906 22 февраля: заканчивает работу «От Реймаруса до Вреде. История изучения жизни Иисуса Христа» (опубликована в 1906-м, второе издание — 1913).
Лето: начинает работать над немецким (значительно расширенным) изданием книги о Бахе (вышла в свет в 1908 году, увеличившись в сравнении с первоначальной версией с 455 до 844 страниц).
Впервые едет с концертами в Испанию.
- 1907 28 июля: по инициативе Швейцера в Страсбурге начинаются ежегодные концерты памяти Баха (они продолжаются по сей день 28 июля каждого года).

- 1908 Экзамены по окончании 5-го семестра медицинского факультета (Physicum).
- 1909 Май: конгресс Международного музыкального общества в Вене. Швейцеру поручают разработать правила строительства органов. Помолвлен с Еленой.
- 1911 Выход в свет «Истории толкований учения апостола Павла со времен Реформации до наших дней».
17 декабря: завершение государственных экзаменов по медицине.
- 1912 Издает совместно с Ш. М. Видором «Органное прелюдии и фуги И. С. Баха». Первые пять томов выходят в свет в 1912–1914 годах.
Врачебная практика.
Весна: оставляет преподавательскую работу в Страсбургском университете.
Изучает тропическую медицину в Париже.
18 июля: женится на Елене Бреслау.
- 1913 Защищает диссертацию о психиатрическом исследовании поступков Иисуса.
21 марта: вместе с женой отправляется в Габон, где начинает строить больницу в Ламбарене, на берегу Огове, среди девственных джунглей.
- 1913–1917 Первый период работы в Ламбарене. Строительство первой больницы в тропиках на территории Парижского протестантского миссионерского пункта.
- 1914 Начало Первой мировой войны. Швейцера как немецкого подданного временно берут под стражу (интернирован 5 августа в миссии).

Ему на время запрещают заниматься врачебной деятельностью.

Размышления над упадком европейской культуры и его причинах.

- 1915 Сентябрь: проезжая мимо деревни Нгенджа, между мысом Лопес и Н'Гомо, приходит к главному положению своего учения о жизни и философии культуры — этическому принципу «благоговения перед жизнью».
- 1916 Гибель матери Швейцера в Гюнсбахе.
- 1917 Сентябрь: Швейцер вместе с женой доставлен в Европу, в лагерь для интернированных в Бордо.
- 1917–1918 Осень, зима, весна: Альберт и Елена содержатся в лагере для интернированных в Гарэсоне (Пиренеи). Работает в лагере врачом.
- 1918 Супругов переводят в лагерь в Сан-Реми (Прованс).
Июль: после освобождения по обмену пленными возвращается через Швейцарию в Гюнсбах.
Осень: врач-ассистент главной клиники городской больницы Страсбурга. Викарий церкви Св. Николая (до 1922 года).
- 1919 14 января: рождение дочери Рены.
Февраль — март: в проповедях в церкви Св. Николая обращается к вопросу об этической проблеме и этическом принципе «благоговения перед жизнью».
Октябрь: дает первый после войны органный концерт в Барселоне.
Получает приглашение провести курс лекций в Швеции.

- 1920 Весна и лето: поездка в Швецию. Лекции, доклады, органные концерты.
Решение продолжать работу в Ламбарене и сбор средств на нужды больницы.
Август: заканчивает книгу «Между водой и девственным лесом» о жизни в Ламбарене (увидела в свет в 1921 году).
Избран почетным доктором Цюрихского университета.
- 1921 Апрель: оставляет обе должности в Страсбурге. Концерты и литературная работа. Переезжает в Гюнсбах.
Выступает как органист в Orfeó Català в Барселоне, где впервые в Испании исполняются «Страсти по Матфею» Баха.
Осень: доклады и концерты в Швеции и Швейцарии.
- 1922 Январь — март: лекции и органные концерты в Англии.
Март: вновь посещает Швецию и Швейцарию.
Осень: концерты и лекции в Швейцарии, Дании.
- 1923 Лекции по философии культуры в Праге.
Завершает двухтомный труд по философии культуры «Распад и возрождение культуры. Культура и этика» (издан в том же году).
Опубликована работа «Христианство и мировые религии».
Строит дом для жены и дочери в Кёнигсфельде (Шварцвальд).
- 1923–1924 Изучает тропическую гигиену в Гамбурге. Совершенствуется в стоматологии и акушерстве.

- 1924 Заканчивает книгу воспоминаний «Из моего детства и юности».
14 февраля: во второй раз едет в Африку.
19 апреля: прибывает в Ламбарене.
18 июля: приезд в Ламбарене первой сиделки из Европы, эльзаски Матильды Коттман.
19 октября: приезд первого врача, эльзасца Виктора Нессмана.
Восстановление больницы, борьба с эпидемией дизентерии и голодом.
- 1925 5 мая: умирает отец, пастор Людвиг Швейцер.
Поздняя осень: эпидемия дизентерии. Принимает решение расширить больницу и перенести ее на новое место на холме Адолинанго.
- 1926 Избран почетным доктором Пражского университета.
- 1927 Перенесение больницы на новое место в трех километрах от прежнего.
21 июля: возвращение в Европу.
- 1927–1928 Осень и зима: концерты и лекции в Швеции и Дании.
- 1928 Весна и начало лета: поездки в Голландию и Данию.
28 августа: присуждение Швейцеру Гётевской премии города Франкфурта-на-Майне.
- 1928–1929 Осень и зима: поездки в Швейцарию, Германии и Чехию.
- 1929 Работа над книгой «Мистика апостола Павла» (увидела свет в 1930 году).

Избран почетным членом Прусской академии наук в Берлине.

- 1929 3 декабря: третья поездка в Африку (вместе с женой).
Помощница Швейцера Эмми Мартин поселяется в его новом доме в Гюнсбахе, построенном на средства Гётевской премии. Дом становится местом отдыха для приезжающих из Ламбарене сиделок и врачей.
26 декабря: прибытие в Ламбарене.
- 1930 Весна: ухудшение состояния здоровья заставляет Елену вернуться в Европу.
7 марта: заканчивает автобиографическую книгу «Из моей жизни и мыслей» (опубликована в 1931 году).
- 1931 Первое предложение Нобелевского комитета в Осло присудить Швейцеру премию мира.
Избран почетным доктором Эдинбургского университета.
- 1932 Избран почетным доктором Оксфордского и Сент-Андрусского университетов.
- 1932 Январь: возвращается в Европу после третьей поездки в Африку.
Февраль — июль: концерты и лекции в Германии, Голландии, Англии и Шотландии.
22 марта: речь, посвященная столетию со дня смерти Гёте, во Франкфурте.
9 июля: выступление, посвященное памяти Гёте («Гёте как мыслитель и человек»), в Ульме.
- 1933–1934 Четвертое пребывание в Ламбарене.

- 1933 После прихода к власти в Германии нацистов Елена и Рена переезжают в Лозанну.
- 1934 Работа над книгой «Философия индийских мыслителей» (вышла в 1935 году).
Октябрь: лекции по философии в Англии и Шотландии.
- 1935 Февраль — август: пятое пребывание в Ламбарене.
Август: второй цикл лекций в Эдинбурге.
- 1937 Поездка Елены Швейцер в Америку, где она выступает с докладами о Ламбарене.
- Январь Шестое пребывание в Африке.
- 1937 — январь По возвращении, чувствуя близость войны,
1939 остается в Европе всего на 12 дней, после чего возвращается в Ламбарене.
- 1939 Февраль: седьмой отъезд в Африку.
1 сентября: вспыхивает Вторая мировая война.
- 1940 Октябрь — ноябрь: сражение за Ламбарене между войсками генерала де Голля и правительства Виши. Ни одна из сторон не причинила больнице вреда.
- 1941 Елена приезжает в Ламбарене через Анголу.
- 1945 Встречает свое семидесятилетие в Ламбарене.
- 1948 Прибытие Швейцера в Бордо после почти десятилетней работы в Африке.
- 1949 Избран почетным доктором Чикагского университета.

- 8 июля: речь в Эспене, посвященная двухсотлетию со дня рождения Гёте (США).
- 1950 24 октября: восьмая поездка в Африку (вместе с женой).
- 1951 Май: возвращение в Европу.
Присуждение Премии мира немецких книготорговцев (Der Friedenspreis des Deutschen Buchhandels).
16 сентября: речь «Человечество и мир» во Франкфурте.
- 1951–1952 Ноябрь — июль: девятое пребывание в Африке.
- 1952 1 марта: статья в шведской газете «Свенск Моргонбладет» (Swensk morgonbladet) с призывом к миру и разоружению.
Избран почетным доктором Марбургского университета.
Награжден медалью Парацельса, высшей врачебной наградой ГДР.
20 октября: избран членом Французской академии моральных и политических наук. Выступает с докладом «О роли нравственного начала в дальнейшем развитии человеческой мысли».
- 1952 Ноябрь: десятая поездка в Ламбарене.
- 1953 Май: начало земляных работ по строительству новой деревни для прокаженных.
Октябрь: становится лауреатом Нобелевской премии мира за 1952 год.
- 1954 Возвращение в Европу.
14 апреля: призывает ученых всего мира сказать страшную правду о нависшей над челове-

чеством угрозе атомной войны и протестовать против дальнейшего испытания ядерного оружия.

28 и 29 июля: последнее публичное выступление с органными концертами (по случаю дня памяти Баха в Страсбурге).

4 ноября: выступает с нобелевской лекцией в Осло: «Проблема мира в сегодняшнем мире».

1954–1955 Декабрь — июль: одиннадцатая поездка в Африку.

1955 12 января: Елена Швейцер приезжает в Ламбарене.

Май: заканчивается строительство деревни для прокаженных.

1955 Избран почетным доктором Кембриджского университета.

Октябрь: двухнедельная поездка в Англию, награждение «Орденом заслуг» (Order of Merit), назначения в который производятся лично британским монархом (со дня учреждения в 1902 году по сегодняшний день было произведено лишь 174 награждения; всего же в ордене могут одновременно состоять только 24 достойные персоны).

Избрание почетным членом Королевского общества тропической медицины.

Посещение Парижа, Бонна, Базеля.

1955 16 декабря: двенадцатая поездка в Африку (вместе с Еленой).

1956–1961 В Японии выходит первое собрание сочинений Швейцера в 20 томах.

- 1957 Избран почетным доктором Тюбингенского университета.
- 1957 Весна: первое обращение Швейцера ко всему человечеству в связи с угрозой атомной войны.
22 мая: тяжело больная Елена Швейцер уезжает из Ламбарене.
1 июня: смерть Елены Швейцер в Цюрихе.
Возвращение Швейцера в Европу.
- Декабрь Тринадцатое пребывание в Ламбарене.
1957 — Избран почетным доктором Мюнстерского
август 1959 университета.
- 1958 28, 29, 30 апреля: выступления по норвежскому радио с призывом положить конец испытаниям ядерного оружия.
- 1959 Октябрь: поездка по ФРГ.
Ноябрь: трехнедельное пребывание в Париже с выездами в Брюссель и Роттердам.
9 декабря: четырнадцатая, и последняя, поездка в Африку.
31 декабря: прибытие в Ламбарене.
- 1960 14 января: восьмидесятипятителетие Швейцера, отмечаемое во всем мире.
17 августа: провозглашение независимости Габона.
Выходит почтовая марка Республики Габон с портретом Швейцера.
12 ноября: присуждение звания почетного доктора медицинского факультета университета имени Гумбольдта в Берлине.
- 1960–1965 Расширение и дальнейшее строительство больницы.

- 1961 19 января: награждение Швейцера орденом Республики Габон «Экваториальная звезда».
- 1963 Пятидесятилетие больницы в Ламбарене.
- 1965 14 января: девяностолетие доктора Швейцера. Чествование во всем мире. Главная улица в Ламбарене названа его именем.
Февраль: Вальтер Мунц становится новым главным врачом больницы.
Лето: Швейцер следит за вступлением в строй нового больничного корпуса.
Август: подписывает совместно с Лайнусом Полингом и большой группой ученых, лауреатов Нобелевской премии, обращение к главам держав с требованием прекратить войну во Вьетнаме.
4 сентября: Альберт Швейцер скончался в Ламбарене. Африка объявляет Швейцера своим приемным сыном.

